

Луи
Жаквилло

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Морской авантюрный роман

Луи Жаколио

Грабители морей

«ВЕЧЕ»

Жаколио Л.

Грабители морей / Л. Жаколио — «ВЕЧЕ», — (Морской авантюрный роман)

ISBN 978-5-4484-7800-0

«Грабители морей» — это достоверная история одного пиратского сообщества, созданного в Лондоне в конце XVIII века. Пользуясь всеобщей смутой и благодаря недюжинным способностям своих главарей, «братство» разрослось в могучую организацию, объединявшую разбойников многих стран и владевшую собственным флотом и армией. Сорок лет бесчинствовали пираты, наводя ужас на мирных купцов и оказывая отчаянное сопротивление регулярным войскам. Европейским правительствам пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с неумолимым грозным врагом и уничтожить эту преступную организацию. Романы Луи Жаколио (1837—1890) пользовались огромной популярностью в России, где в 1910 году было издано 18 томов его сочинений.

ISBN 978-5-4484-7800-0

© Жаколио Л.

© ВЕЧЕ

Содержание

Часть первая. Пираты Мальстрема	5
Глава I. Капитан Вельзевул и Надод Красноглазый	5
Глава II. Мальстрем	9
Глава III. Удивление Ингольфа	12
Глава IV. Неожиданное спасение	16
Глава V. Сыновья герцога Норрландского	20
Глава VI. Важная новость	27
Глава VII. Фиорд Розольфсе	30
Глава VIII. Мщение Гаральда	35
Глава IX. Таинственный незнакомец	39
Глава X. Трумп и Торнвальд	44
Глава XI. Стокгольмский острог	47
Глава XII. Подвиги «Грабителей»	50
Глава XIII. Злодейский уговор	54
Глава XIV. Блокада английской эскадры	57
Глава XV. Ультиматум	59
Глава XVI. Размышления Ингольфа	64
Глава XVII. Ингольф в плену у англичан	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Луи Жаколио

Грабители морей

Часть первая. Пираты Мальстрема

Глава I. Капитан Вельзевул и Надод Красноглазый

Солнце в виде багрового шара садилось за мыс Нордкап, огненными лучами своими озаряя и как бы даже воспламеняя высокие ледники Гренландии и равнины Лапландии. Дул бурный северный ветер; большие, сердитые волны Ледовитого океана разбивались о бесчисленные островки и подводные скалы, окружающие северную оконечность Норвегии и образующие вокруг земли как бы пояс из пены, преграждающий к ней всякий доступ. Невозможно было разглядеть ни одного удобопроходимого местечка среди этих бурлящих и клокочущих масс воды, налетавших со всех сторон, сталкивавшихся друг с дружкой в водовороте между скалами и то низвергавшихся вниз, образуя черные бездны, то, подобно смерчам, вздымавшихся вверх до самого неба. Разве только прибрежный рыбак, знакомый со всеми местными входами и выходами, решился бы, застигнутый бурей, пройти, спасаясь от нее, через эти опасные места.

А между тем в сумерках догорающего дня можно было разглядеть здесь какой-то корабль, – судя по оснастке бриг и, по-видимому, из Ботнического залива, – делавший неимоверные усилия выйти в море, одолеть ветер и волны, толкавшие его прямо к скалам. Корабль маневрировал прекрасно – видно было, что его ведет опытный капитан, следовательно, нельзя было объяснить небрежностью командира тот факт, что корабль попал в такое опасное положение. Вернее всего, что судно загнал сюда непредвиденный шквал, вдруг подхвативший и понесший его на эту грозную линию утесов, предательски скрытую под широким плащом седой пены.

Трудна, не под силу была кораблю эта борьба с разнуздавшимися стихиями. Волны бросали его из стороны в сторону, как ореховую скорлупу. Вода переливалась через всю палубу от одного конца до другого, и люди хватались за веревки, за что попало, чтобы не быть унесенными в море. Команда из шестидесяти или около того матросов выбивалась из сил.

На мостике, держась за перила, стояли двое мужчин и с тревогой наблюдали погоду и ход корабля.

Один из них был капитан: его можно было узнать по рупору, который он приставил к губам, чтобы, командуя, перекрикивать рев урагана. Нахмутив брови, устремив глаза на горизонт, покрытый тяжелыми тучами, в которых медно-красным отблеском отражались последние лучи закатившегося солнца, он стоял, по-видимому, совершенно спокойно, как если бы погода была самая тихая и благоприятная. Зато его товарищ, с ног до головы закутанный в морской плащ, с поднятым капюшоном, был возбужден и взволнован до крайних пределов.

– Это все ты виноват, Ингольф, – неустанно твердил он капитану. – Всему виной твоя смешная осторожность, твоя ужасная флегматичность. Приди мы часом раньше, проход был бы свободен, потому что в то время этот чертовский ветер еще не поднимался, и плыли бы мы теперь совершенно благополучно по закрытому от ветра фиорду.

– Заладил одно! – отозвался Ингольф. – Жаль только, Над, что этим ты делу несколько не поможешь, и ветер не переменится от этого ни на одну четверть... что, впрочем, было бы для нас спасением.

– Что ты говоришь?

– Говорю, что если через полчаса ветер не переменится, то мы погибли.

– Погибли! – с ужасом воскликнул тот, кого называли Надом (уменьшительно от Надод). – Как погибли?!

– Очень просто, – отвечал Ингольф так спокойно, как если бы он сидел где-нибудь в безопасном месте на твердой земле и потягивал из стакана норвежский эль.

– Я все средства, все маневры перепробовал. Скоро, пожалуй, придется рубить мачты.

– Как же быть?

– Никак. Разве с такой бурей можно бороться? Через полчаса, если так будет продолжаться, пиши пропало.

– Послушай, ведь ты такой опытный... Неужели ты не можешь придумать?

– То есть это что же придумать? Средство идти против ветра, когда он вместе с течением несет тебя к берегу?.. Нет, братец, тут никакая опытность не поможет.

– Стало быть, мы, по-твоему, бесповоротно осуждены?

– Да, если в течение получаса ничего не случится.

– Значит, ты надеешься только на чудо?

– Чудо тут ни при чем. Нас губит не чудо, а буря, и спасти нас может самая естественная перемена ветра помимо всяких чудес. Нужно только, чтобы эта перемена наступила в известный срок.

– Неужели ты будешь спокойно ждать?..

– Да ведь больше нечего и делать.

– Меня бесит твоё спокойствие, Ингольф.

– А твоё беснование меня только смешит, – возразил Ингольф с беззвучным смехом, которым он имел обыкновение смеяться.

– И вот результат экспедиции, которая должна была принести нам тридцать миллионов!.. Быть может, даже больше – несметное богатство!.. Гибель – и когда же! Почти у самой пристани!

Над помолчал, потом продолжал, понизив голос и грозно хмурясь:

– И даже это бы ничего. Бог с ним, с золотом, с богатством!.. Но ждать этой минуты двадцать лет – и вдруг умереть, когда желанная месть так близка, так возможна!.. Вот что ужасно.

– А мне, напротив, это даже приятно, – возразил Ингольф. – Смерть на виселице или во время погони за каким-нибудь купеческим корабликом, во всяком случае, менее почетна, чем гибель в борьбе за тридцать миллионов. Такая гибель вполне достойна пирата Ингольфа Проклятого, не говоря уже о том, что свою долю из тридцати миллионов я бросаю не в Каттегат.

Флибустьер засмеялся собственной остроте, заключавшейся в непередаваемой игре слов. Известно, что Каттегатом называется рукав, соединяющий Северное море с Балтийским. По-шведски это название значит кошачья нора.

– Стало быть, ты еще надеешься? – спросил Надод, цепляясь за каждую соломинку.

– Говорят же тебе, ветер капризен, как женщина, и может перемениться с минуты на минуту. Да и вообще в море никогда нельзя знать, что через минуту последует. Достаточно, например, пойти дождю из этих больших туч вон там на западе, чтобы море успокоилось до некоторой степени.

– Есть ли надежда, что это случится, прежде чем наступит роковой момент?

– Трудно сказать. Очень может быть, что закат солнца, охладив атмосферу, вызовет из облаков дождь; но когда это случится – через пять минут или через час? Вот чего не угадает даже самый опытный моряк.

Между тем буря усиливалась. Шквалы налетали такие, что «Ральф» – так назывался бриг – почти совсем ложился штирбортом на воду. Самый опытный мореплаватель – и тот безошибочно решил бы, что надежды на спасение нет.

Чтобы лучше видеть происходящее на море, Надод откинул с головы капюшон. Наружность у этого человека была самая отталкивающая. Сложения он был атлетического, широкоплечий, с бычьей шеей, на которой сидела безобразная голова, слишком громадная по своей величине даже для такого большого тела. Все лицо его почти сплошь покрывала жесткая, как кабанья, щетина, красно-рыжая борода соединялась с волосами того же оттенка, закрывавшими лоб по самые брови и падавшими сзади на плечи, словно львиная грива. Губастый зверский рот с широким разрезом, усаженный огромными зубами, и широкий плоский нос с придавленными ноздрями довершали сходство Надода с хозяином Атласских горных лесов, только в фигуре пирата не было той величественности, которую обыкновенно приписывают царю зверей. Напротив, вся наружность Надода говорила о самых низменных инстинктах и страстях, лишенных малейшего намека на благородство. Отвратительное впечатление, производимое этой физиономией, усугублялось еще тем, что левый глаз, вероятно по какому-нибудь несчастному случаю, почти совсем выкатился из своей орбиты и остался в таком положении навсегда, пристальный, неподвижный, мутный, без век, с каким-то сатаническим каменным взглядом. Невозможно передать словами то ужасное впечатление, которое производил на всякого этот мрачный, потухший взгляд.

Чувствовалось, что обладатель этой наружности способен на всякую гадость, на всякую жестокость, на всякий грех... Из дальнейшего рассказа читатель увидит, что первое впечатление вполне соответствовало действительности.

Кто же такой он был? Каково его прошлое? Откуда он? Как попал на борт «Ральфа»? Никто из команды брига этого не знал... Никто, кроме капитана Ингольфа.

Последний представлял резкую противоположность со своим товарищем. Ростом он был еще выше Надода, но строен и гибок, как человек хорошего происхождения. Костюм моряка с капитанским шитьем сидел на нем ловко и элегантно. Прежде Ингольф служил в датском военном флоте, но вышел в отставку, вследствие какой-то истории с начальством, – истории, впрочем, вовсе не позорной для его чести. Когда в 1788 году открылась война между Россией и Швецией, Ингольф предложил последней свои услуги и получил крейсерский патент.

Густав III хотел даже зачислить его в регулярный флот, этому воспротивился корпус офицеров, и потому король ограничился тем, что дал Ингольфу в команду превосходный корсарский бриг с сорока пушками и восемью гаубицами и предоставил ему право носить капитанский мундир.

Ингольф набрал себе команду из всевозможных головорезов и вскоре загремел славою как ловкий корсар. Вскоре, однако, шведы, теснимые русскими, заключили мир, и выданный Ингольфу патент сам собою утратил значение. Однако Ингольф, не надеясь даже за оказанные услуги быть зачисленным в регулярный флот, просто-напросто позабыл возвратить шведскому правительству бриг «Ральф» и продолжал корсарствовать, снизойдя таким образом до степени обыкновенного пирата.

Таким образом, по вине узкого сословного соперничества, Швеция лишилась услуг даровитого офицера, а преступное ремесло получило нового мастера.

Первое время Ингольф действовал лишь из мести, преследуя шведские корабли, состоявшие под командою враждебных ему офицеров. Он вступал с ними в отчаянные битвы и пускал их ко дну без всякого милосердия. «Все ваши корабли, – писал он неблагодарному Густаву III, имевшему слабость покинуть своего преданного слугу, – все ваши корабли я уничтожу один за другим». И он принялся усердно исполнять обещание. Однако европейские державы вскоре обратили внимание на смелого пирата и начали его преследовать тем более, что он, не имея чем содержать свой экипаж, оказался вынужденным нападать и на купеческие корабли. Раздраженный преследованием, Ингольф объявил державам войну, обратившись ко всем европейским кабинетам с дерзким письмом, получившим историческую известность. В этом письме он нахально объявлял о своем вступлении на вымышленный престол и подписался «Ингольф I,

король Северного полюса». В довершение насмешки он называл каждого государя «мой добрый брат» и выражал надежду установить с ним впоследствии дипломатические отношения.

Дерзость эта привела к тому, что всем европейским морякам было предписано преследовать злодея неумолимо и в случае его поимки немедленно повесить со всею командой на реях «Ральфа», а самый бриг тут же, среди моря, сжечь.

Но такой приказ было легче дать, чем исполнить. Ингольф сделался положительно неуловим. Рассчитывали поймать его, когда он по необходимости зайдет в какой-нибудь порт, а между тем его нигде не было видно.

Зато горе было тому кораблю, который отваживался пуститься один в сколько-нибудь далекий путь. Такой корабль, ушедши, уже не возвращался назад. В какую-нибудь темную, безлунную ночь он среди океана подвергался нападению бесчисленных молчаливых демонов, которые без слов, без криков начинали с того, что истребляли весь экипаж до последнего матроса. Слышен был только стук абордажных топоров, крошивших тела людей... Тщетно испуганные моряки искали спасения, бросаясь в волны. Борьба прекращалась лишь с гибелью последнего человека.

Так исполнял свое страшное дело «Ральф». Груз с захваченного корабля немедленно перетаскивался на разбойничий бриг, и пираты исчезали, предварительно потопив опустошенное судно. Куда они отвозили добычу? Где было их убежище, их гнездо? Никто не мог этого разузнать, несмотря на все поиски, а между тем такое убежище несомненно существовало, потому что пираты, когда их начинали слишком сильно теснить, вдруг исчезали куда-то и не показывались иногда по несколько месяцев.

Эти молниеносные нападения, это таинственное, бесследное исчезновение многих кораблей, и вся вообще легендарная сторона жизни Ингольфа снискали ему прозвище «Капитана Вельзевула». А между тем Ингольфу было в то время не более двадцати восьми лет.

Глава II. Мальстрем

Во время этих ночных нападений «Ральф» обыкновенно терял очень много людей, и в конце концов команда его все-таки значительно уменьшилась бы числом, если бы капитан Ингольф не пополнял постоянно его ряды. Персонал брига составляли кроме капитана его помощник Альтеншид, которого сокращенно звали просто Альтенс, четыре лейтенанта: Лютвиг, Ян, Эриксон и Билль, причем последним двоим было всего по двадцати лет, шесть старших матросов с боцманом, восемь вахмистров и шестьдесят простых матросов. Был еще бухгалтер, несчастный писец Джон Ольдгам, англичанин, которого Ингольф держал для ведения счетов, чтобы избавить себя от нареканий в неправильности раздела призов. Этот Ольдгам служил прежде писцом у одного провинциального нотариуса, но в один прекрасный день пираты похитили его из конторы, находившейся в одной английской прибрежной деревушке. Почтенный Ольдгам объявил, что не признает ни за что законности своего положения и если будет работать, то только по принуждению. Для того чтобы пираты не приобрели над ним прав, предусмотренным и до сих пор неотмененным XXXVIII статутом Этельреда I, английского короля из саксонской династии, носящим название *De servitudine hominis*, Ольдгам требовал, чтобы его подвели к конторке в сопровождении двух солдат с примкнутыми штыками. Каждый день, приступая к составлению счетов, он начинал с письменного формального протеста против насилия, которому его подвергали вопреки всем божеским и человеческим законам и в нарушение акта *Nabscas-Corpus*. Этот протест он вручал солдату для доставления капитану Ингольфу и лишь после того принимался за свою бухгалтерию. Дело свое он делал хорошо, предполагая, однако, что находится на шведском крейсере, а не на пиратском судне.

Когда Ингольф терял трех или четырех матросов из своей команды, он вылавливал из воды соответствующее число бросившихся в нее неприятельских моряков и ставил им на выбор – смерть или служба на «Ральфе». Не было еще ни одного примера, чтобы предпочтена была смерть, а через три месяца новые рекруты превращались в заправских пиратов, готовых для своего капитана на все.

Даже почтеннейший Ольдгам помимо ежедневного слабого протеста, аккуратно заносимого в книги, в конце концов свыкся со своей жизнью на «Ральфе», которая к тому же обогашала его и избавляла от вечных супружеских сцен, которые там, в Англии, задавала своему мужу изо дня в день в течение двадцатилетнего сожительства почтенная миссис Ольдгам, обладавшая, впрочем, по словам мистера Ольдгама, ангельским характером.

– О, она очень добра, – говорил мистер Ольдгам, – но подумайте только: на двадцать два шиллинга в неделю прокормить, одеть и обуть одиннадцать детей!.. Ведь это, согласитесь, чей угодно характер испортит.

Со времени исчезновения господина клерка чья-то невидимая рука доставляла его супруге двести долларов в месяц, и почтенная мать семейства воссылала к Богу пламенные мольбы, чтобы муж ее как можно дольше не возвращался.

Таков был личный состав странного корабля, по дисциплине и порядку не уступавшего самому лучшему военному судну, но в данный момент влекомого ветром и течением на норрландские рифы.

Но зачем бриг явился в эти опасные места?

Это была тайна между Надодом Красноглазым и капитаном Вельзевулом, – тайна никому, кроме них, не известная на корабле.

Несмотря на то, что каждый матрос видел неминуемую гибель, ни один из них не роптал – до такой степени сильна была привязанность своему капитану.

Между тем корабль все несея и несея на скалы... Ингольф неподвижно стоял, смотрел и ждал.

Не то было с Надодом. Распустив по ветру свои рыжие волосы, вытаращив свой налитый кровью страшный глаз, он задышался от ужаса и бессильной злобы.

– Послушай, да сделай же что-нибудь! – кричал он не своим голосом, обращаясь к Ингольфу. – Я не моряк, но я посовестился бы так пасовать перед бурей, как это делаешь ты. Ведь подумай: ты рискуешь жизнью храбрых матросов...

– А, главное, – жизнью храброго Нада, – иронически возразил капитан. – Однако ты очень дорожишь своей жизнью. Удивляюсь, что тебя так к ней привязывает? Будь я так безобразен, как ты, я бы желал себе смерти.

– Удивляюсь, как ты можешь шутить в такую минуту! – вскричал выведенный из себя Надод. – Ведь мы в какой-нибудь сотне метров от этих страшных скал...

Ингольф не отвечал ничего. Он теперь внимательно следил за ходом корабля.

– Да послушай же! – не унимался Красноглазый, тряс Ингольфу за рукав.

– Замолчи, гадина! – оборвал его капитан, вдруг вспыхнув от гнева. – Замолчи и не мешай мне, иначе я тебя раздавлю!

Одним толчком Ингольф спихнул его с мостика, так что Надод кубарем скатился на палубу.

Надод был очень сильный мужчина, но не мог сладить с капитаном Вельзевулом, не имевшим себе равного по силе. Ингольф легко поднимал на плечо большую пушку и, пройдя с ней по всему кораблю, ставил ее на прежнее место.

Безучастие Ингольфа к опасности было только кажущееся, внешнее. На самом деле он ни на миг не переставал придумывать средство спасти от гибели свой корабль.

Он решил испытать последнее средство. Всякий моряк знает, что волна, ударившись о берег, отскакивает от него и этим обратным движением задерживает следующую волну. Таким обратным движением и решил воспользоваться Ингольф. Маневр был трудный и опасный, но иного способа не было.

Бриг неся на скалы. Надод с затаенным бешенством глядел на Ингольфа своим неподвижным глазом.

Вдруг Ингольф бросился к рулю и сам стал им действовать, не переставая отдавать приказания.

Уже почти у самых скал корабль попал в обратные волны и круто повернулся.

Через несколько минут он был опять далеко от скал.

Конечно, это еще не было спасением, но маневр можно было повторить с надеждою на такой же успех.

Но тут вдруг счастье окончательно повернулось лицом к Ингольфу: из туч полил дождь, и ветер разом утих.

Громкое «ура» вылетело из уст всех матросов.

– Ура! Ура! Да здравствует капитан Вельзевул!

Ингольф спокойно вернулся на свой капитанский мостик.

Его корабль победоносно вышел из тяжелого испытания и готовился войти в безопасный от ветров фиорд Розольфсе.

– Ну что, Над? – спросил капитан своего товарища. – Не прав ли я был, говоря, что в море никогда не следует отчаиваться?

– Прости меня, что я давеча вспылел, – отвечал Надод, – но если бы ты только знал, как мне не хотелось умирать так близко от цели. Я всю жизнь свою жил одной мыслью – отомстить своему врагу, сказать ему: «Гаральд Биорн, узнаешь ли ты Надода, узнаешь ли ты свою жертву?...» Да, Ингольф, я непременно должен рассказать тебе свою историю, и, может, ты тогда поймешь мои чувства и пожалеешь уроды Надода, Надода Красноглазого. Не всегда я был таким каторжником и не сам по себе им сделался, а благодаря одному человеку. Ты узнаешь мою историю и, наверное, согласишься, что грабитель Мальстрема вполне может протянуть

руку пирату Мальме... Соединимся в общей ненависти и вдвоем с тобой мы потрясем целый мир...

Ингольфу пришлось по душе предложение Надода. Его давно интересовала эта таинственная личность, и узнать тайну Красноглазого ему было бы очень приятно.

Присмотревшись к погоде, Ингольф сделал нужные распоряжения, поручил команду Альтенсу и сказал Надоду:

– Пойдем ко мне в каюту. Там нам никто не помешает, и мы сможем поговорить совершенно свободно...

Никто не мог знать, о чем они говорили: но когда они оба вернулись на палубу, Ингольф был бледен, точно сейчас совершил преступление, а на безобразном лице Красноглазого Нада отражалась свирепая радость.

Глава III. Удивление Ингольфа

Настала ночь.

Океан еще не успокоился окончательно, но волны вздымались тише и уже не так круто, что предвещало близкое успокоение. Вследствие дождя ветер быстро переменялся на северо-западный, и «Ральф», получая его со стороны штирборта, легко огибал линию скал, составлявших милю на три или четыре продолжение Розольфского мыса. Эти скалы вместе с берегом образовали глубокую бухту, где волны под напором ветра, казалось, совершенно обессиливались, потому что возле отвесной стены береговых утесов в глубине бухты не было видно клочущей белой пены прибоя.

Заметив это обстоятельство, Ингольф призадумался, так как причина этого явления не была для него вполне ясна. Он не понимал, каким образом волны, с силою налетая на берег под порывами ветра, могли ударяться о скалы, не образуя обычного прибоя.

Ингольф взял ночную зрительную трубу и стал смотреть в нее, но не разглядел ничего, кроме черной линии вод, почти сливавшейся с темным гранитом утесов.

– Странно, – пробормотал он. – Я никогда не видал ничего подобного.

Он подозвал к себе своего помощника Альтенса.

– Посмотри, – сказал он ему, указывая на берег, к которому все ближе и ближе подходил корабль.

Альтенс взял поданную ему капитаном зрительную трубу и, поглядев в нее несколько минут, вскричал:

– Необыкновенное что-то!

Капитанский помощник на «Ральфе» был старый моряк, родившийся в рыбацкой лодке. Он не помнил, чтобы когда-нибудь провел на суше больше времени, чем требуется для того, чтобы заключить новый договор с арматором после истечения срока старого. Поэтому он смотрел на сушу лишь как на место для снабжения кораблей всем необходимым, а больше не годное ни на что. Вне своего ремесла ничего не признавал и выражал свои мысли кратко, отрывисто – совершенно тем же тоном, каким отдавал приказания.

– Что ты видишь? – спросил капитан, говоривший со своим помощником всегда так же лаконично, как и он.

– Прибоя нет, – отвечал помощник.

– Как же ты на это смотришь?

– Проход опасен.

– То есть как?

– Водоворот близ Розольфского мыса.

– Откуда ты его знаешь?

– Слышал от местных моряков... Хуже Мальстрема.

– Что же теперь делать?

– А мы куда идем-то?

– В фиорд Розольфсе.

– Нужно миновать центр притяжения, выйти в море и обогнуть мыс миль на шесть в открытом море.

– Я то же думал и очень рад, что мы с тобой сходимся. Во что бы то ни стало нам нужно подняться под ветер.

– Опоздали! – перебил Альтенс.

Действительно, «Ральф» получил сильный толчок, и паруса его захлопали, как если бы они сразу освободились от действия на них ветра.

Ингольф понял опасность.

– Руль на бакборт! – крикнул он кормчему, рассчитывая повернуть корабль под ветер.

Бриг не послушался. Увлекаемый быстрым течением, он вступал в центр огромного водоворота, который теперь должен был подхватить его и понести, как легкую пробку...

На этот раз гибель была неминуема. Бригу предстояло описывать большие круги, вращаясь с относительно умеренной скоростью, но постепенно эта скорость должна была увеличиться, а круги должны были делаться все теснее и теснее – вплоть до самого центра, где «Ральфу» предстояло перевернуться и разбиться на тысячу кусков.

Страшное явление это, происходящее всего лишь в четырех или пяти пунктах земного шара, обуславливается исключительным расположением берегов, образующих неполную окружность, в которую под влиянием специального ветра волны врываются с неслыханной силой и бегут вдоль изогнутой линии берега, а не прямо на него. Достигнув конца окружности, они приобретают все большую и большую силу и продолжают свое круговое движение, вследствие чего образуется поддерживаемый новыми волнами водоворот, губительный для мореплавателей. Против таких водоворотов нет никакого спасения, и море в таких местах успокаивается лишь по прекращении специального ветра. Водовороты эти называются по-норвежски «мальстремами» (течение, которое мелет).

У берегов Норвегии существуют два таких водоворота: один близ острова Моске, производимый южным ветром, а другой на западе, близ Розольфского мыса, производимый северным ветром.

Последний водоворот менее известен, чем первый, так как реже посещается кораблями, но гораздо опаснее первого.

С первого же взгляда Ингольф понял ужасную истину. На лбу у него выступил легкий пот – но и только. Больше у него ничем не выразилось потрясение, которое испытывает всякий человек при быстром переходе от уверенности в спасении к сознанию грозящей опасности.

– Ни слова матросам, Альтенс, – сказал капитан. – Мы всегда успеем их предупредить, а сперва я хочу посмотреть, неужели действительно нет никакого спасения.

Помощник поклонился и, не ответив ни слова, сошел с мостика.

– Что ты такое сказал? – спросил Надод, подходя к капитану.

Во время последнего разговора он стоял, облокотясь на перила штирборта. Обманутый наружным спокойствием волн, он не обращал большого внимания на беседу Ингольфа с Альтенсом, но последние слова капитана неприятно поразили его слух.

– Вот что, Надод, – серьезно сказал ему капитан, – наступила минута показать, действительно ли ты мужчина.

– Ты меня пугаешь, – отвечал Красноглазый, – что за торжественность!

– Не думай, я не шучу, Надод. Мы избавились от одной опасности лишь затем, чтобы попасть в еще худшую. Ты имеешь понятие о Мальстреме?

– Слышал, – отвечал урод с конвульсивною дрожью в теле, – но только ведь он не у этого берега.

– Ты говоришь о Мальстреме близ Моске, но, к несчастью, он не один. Есть еще Мальстрем близ Розольфа, и вот в него-то именно мы и угодили. Взгляни, бриг уже не слушается руля.

Говоря эти слова, Ингольф схватил штурвал и повернул его до самого конца цепи: бриг не повернулся ни на йоту.

Опыт был слишком убедителен. Надод так и обмер.

– Стало быть, нет никакой надежды? – спросил он своего товарища.

– Никакой, – отвечал Ингольф. – Невозможно сразу бороться против ветра, течения и центробежной силы. У нас нет точки опоры.

– Хорошо, – возразил Надод со спокойствием, которое резко противоречило его прежнему волнению. – На земле всегда есть жертвы, и я являюсь одной из таких жертв. Так запи-

сано в Книге судеб: к чему же бороться с судьбою? Ты увидишь, Надод Красноглазый сумеет умереть.

– Странно, что ты нас не предупредил, а еще жил в этих местах. Не может быть, чтобы ты никогда не слышал об этом губительном течении.

– Ты забываешь, что я не моряк, и если слышал в детстве разные страшные рассказы о кораблях, погибших в Розольфсе, то считал их легендами, не придавая им реального значения.

Протянув руку по направлению к твердой земле, он прибавил:

– Ты торжествуешь, Гаральд Биорн. Сокровища, скопленные двадцатью поколениями, останутся за тобою и, быть может, благодаря им достигнешь своих целей! Но если пожелания человека, умирающего по твоей милости, выброшенного тобою из человеческой семьи, могут иметь какое-нибудь влияние на судьбу, то будь ты проклят из рода в род! Будь проклят сам ты, и дети твои, и внуки, и правнуки!..

Вдруг в ночной темноте раздался крик, возбудивший во всех невыразимое волнение.

– Парус налево сзади! – крикнул вахтенный.

Взоры всех жадно устремились в ту сторону, и в эту минуту, как бы для довершения ужаса, полярное солнце, закатывающееся летом не более как на один час, вдруг появилось на горизонте, озарив своими лучами и ясное небо, и коварное море.

Замеченный корабль оказался прелестною, стройною яхтой, оснащенной с редким изяществом. На ней развевался белый флаг с золотым крестом. Видно было, что кораблик не имел ничего общего с тяжелыми рыбацкими судами, которые только одни и посещают эти места Ледовитого моря во время ловли трески.

Экипаж «Ральфа», уже понявший свое отчаянное положение, безмолвно и угрюмо следил за маневрами кораблика, быстро бежавшего по волнам позади Розольфского мыса, который его защищал от грозного влияния Мальстрема.

– Это увеселительная яхта, – сказал Ингольф, как бы говоря сам с собою. – Она погибнет, если станет огибать эти скалы, составляющие продолжение мыса.

– Значит, погибнем не одни мы, – заметил Надод с недоброю улыбкой.

Вместо ответа капитан бросил на него самый презрительный взгляд и обратился к своему помощнику:

– Альтенс, через десять минут, если я не ошибаюсь, мы вместе с течением понесемся мимо берега. Проходя мимо мыса, дай поскорее этой шхуне предостерегающий сигнал.

Желая внушить матросам надежду, которой сам совершенно не имел, Ингольф прибавил:

– Она построена не так крепко, как наш «Ральф», и не может бороться с течением.

Слова эти были сказаны с хорошо разыгранной небрежностью и произвели свое действие. На лицах у всех появилась радость. Если бы действительно была опасность, разве капитан был бы так спокоен? Такой искусный моряк никогда бы не сдался без отчаянной борьбы, а между тем он не делал ровно никаких распоряжений. Ну да, конечно, опасность вовсе не так велика, как это кажется...

Таковы были соображения, которыми обменялись между собой матросы и которые рассеяли в них страх, поселив в них доверие к будущему.

Зато сам Ингольф утратил всякую надежду. Он ограничился лишь тем, что велел покрепче притянуть руль к бакборту. В таком положении руль мог несколько замедлить роковой приход корабля к центру водоворота, заставив его делать круги значительно шире.

Между тем неизвестная яхта все шла параллельно Розольфскому мысу, который был в этом месте настолько низок, что все движения кораблика были видны очень хорошо. «Ральф» находился по другую сторону того же мыса, описывая свой первый концентрический круг с возрастающей по мере приближения к земле быстротой. Увлекаемый потоком, он вскоре дошел до подводных скал. В эту минуту он был отделен от шхуны, подходившей с другой стороны в обратном направлении, лишь полосой утесов шириною метров сто, не более. Тогда Альтенс,

согласно приказаниям Ингольфа, дал шхуне предостерегающий сигнал, и на грот-мачте брига появился целый ряд огней и флагов.

Все с нетерпением ждали ответного сигнала на этот акт мореплавательского братства, на этот поистине благородный поступок в момент собственной гибели, но шхуна продолжала идти своим путем, не обращая внимания на сигналы «Ральфа». На палубе шхуны не видно было ни одного человека, и, когда корабли встретились, идя по противоположным направлениям, таинственная шхуна показалась совершенно безлюдной. Между тем по всему было видно, что ее ведет опытная рука.

– Странно! – пробормотал Ингольф. – Хоть бы флагом отсалютовали в знак благодарности – и того нет... По всему видно, что яхта знает здешние места лучше нас и что предостережение наше было совершенно не нужно, но все-таки не мешало бы сделать салют людям, которые, сами идя на смерть, пытаются спасти других...

На лице Надода изображалась самая низкая радость. Этот человек только и находил удовольствие в зле, и неудача Ингольфа обрадовала его настолько сильно, что он не мог этого скрыть даже в минуту собственной гибели.

– Послушай, Надод, – сказал ему капитан, которого всегда бесила эта вечная злоба товарища, – послушай, если ты не уймешься, я, честное слово, выброшу тебя за борт, хотя бы только для того, чтоб умирать не вместе с таким зверем.

– Я вовсе не зверь, – возразил Надод с отвратительной гримасой. – Звери – все человечество, которое я ненавижу, и меня всегда радует, когда люди обнаруживают неблагодарность или вообще делают какую-нибудь подлость.

Глава IV. Неожиданное спасение

Ингольф пожал плечами. Ему было теперь не до того, чтобы заводить спор о подобных вещах. «Ральф» чрезвычайно быстро примчался в глубину бухты, так как в этом месте течение было необыкновенно сильно. В следующие немногие секунды должна была решиться участь корабля. Что с ним будет? Налетит ли он на утесы или понесется дальше по течению, продолжая вращаться в круговороте? В первом случае развязка наступила бы через две минуты, а во втором – корабль достиг бы оси водоворота, лишь описав с ним вместе пять или шесть концентрических кругов с постепенно уменьшающимся диаметром.

Несмотря на уверенность, выказанную Ингольфом, матросы чувствовали, что к ним возвращается прежний страх. Взоры всех были устремлены на полукруг черных, блестящих скал, окружавших заднюю сторону бухты. К этим скалам «Ральф» несясь, как стрела. Волны ревели, ударяясь о берег, со стороны крутых утесистых стен доносился глухой гул, производимый подводными безднами и отражаемый гранитными массами, возвышавшимися над водою.

Вот бриг уже не более двадцати метров от скал... Вот он сейчас ударится... Сердца у всех так и стучат. Один Ингольф спокоен. Скрестив на груди руки, стоит он гордо на мостике и улыбается равнодушной улыбкой... Вдруг на палубе грянуло оглушительное «ура»: повинувшись течению, корабль делает крутой полуоборот на расстоянии не более одного метра от скал и несется теперь вдоль дугообразного берега, по-прежнему увлекаемый водоворотом, с которым, к сожалению, не может сладить. Во всяком случае, ближайшая опасность миновала до поры до времени, а сердце человеческое так устроено, что даже Ингольф почувствовал в себе возрождение некоторой надежды. Но все это было лишь беглым проблеском в кромешной тьме: воротясь назад, «Ральф» снова пронесся точно так же, как несясь прежде, лишь отступив на несколько метров от прежнего пути. Роковой исход не был тайной ни для кого. Большинство матросов были слишком стары и опытны для того, чтобы не понимать смысла этого кругового плавания.

Приближаясь во второй раз к Розольфскому мысу, капитан пиратов увидел яхту, с необыкновенной смелостью лавировавшую почти у самого края рифов, которые лишь одни защищали ее от губительного влияния Мальстрема.

– Они с ума сошли, – сказал Ингольф Надоду, – должно быть, им хочется разделить нашу участь.

Не успел он договорить, как кораблик повернулся всем бортом и, распустив все паруса, вошел в маленькую природную гавань, совершенно закрытую от ветра. Благодаря узкому входу в гавань вода в ней была спокойна, как в озере.

Ингольф навел на яхту подозрительную трубу.

В этот раз на палубе яхты видно было человек двадцать. Несмотря на дальность расстояния, с «Ральфа» можно было видеть, как они хлопотливо бегали по палубе.

– Они вынули из трюма и развернули на палубе огромную рыболовную сеть, – сказал капитан своему помощнику, который подошел к нему и тоже стоял на мостике.

– Верно, – отвечал Альтенс, в свою очередь поглядев в трубу.

– Выбрали же они время для подобной забавы!.. Разумеется, это для них забава, если судить по роскоши и изяществу их кораблика.

– С той стороны мыса море спокойно. Через два часа там смело можно будет ловить рыбу.

– А может быть, им просто хочется полюбоваться на нашу гибель, – заявил неисправимый Надод.

Между тем матросы яхты, причалившей к берегу, стали спускать с корабля на сушу огромную веревочную сеть. Действиями матросов распоряжались два молодых человека в морской офицерской форме, стоявших на корме.

Вдруг, к удивлению Ингольфа и всего экипажа «Ральфа», флаг на шхуне опустился и поднялся три раза, что на языке морских сигналов означает: «Смотрите и следите за тем, что мы будем вам сообщать».

Очевидно, это относилось к погибающему кораблю. Прошло еще несколько минут – и на гроте шхуны ярко запестрели флаги всевозможных цветов. Ингольф с постоянно усиливавшимся в нем душевным волнением перевел вслух этот сигнал: «Ободритесь! Мы идем к вам на помощь. Прицепитесь к большому бую из досок и весел, поставьте паруса против течения».

По мере того как капитан переводил, весь экипаж «Ральфа» буквально преображался; когда же он кончил, то последовал взрыв такого восторга, что вся суровая дисциплина была позабыта. Матросы принялись плясать и петь, обнимались, не помня себя от радости. Ингольф не мешал этому взрыву общего чувства. Он понимал, что его матросы скорее согласятся сто раз пойти с одним кораблем на целую эскадру, чем хотя бы еще один лишний час пробывать в виду близкой гибели, от которой нельзя избавиться ни мужеством, ни энергией.

Но вот раздался свисток – и команда «Ральфа» опомнилась и встала по своим местам. В одну секунду все лодочные весла и все, какие нашлись, доски были связаны крест-накрест и скреплены между собою, а затем все это вместе было спущено в воду на крепком канате, который привязали к бугшприту. Это курьезное сооружение обладает свойством ослаблять силу волн и замедлять быстроту течения. Корабли очень часто пользуются им. Ингольфу оно тоже было известно, употреблять его в данную минуту он считал лишним, так как не ожидал помощи ниоткуда извне. Паруса тоже поставили на «Ральфе», как это было рекомендовано сигналом с яхты, и быстрота, с которою неслись по течению бриг, заметно уменьшилась, хотя самое течение ничуть не переменилось. Но все это еще несколько не объяснило, каким способом неизвестные мореплаватели надеялись спасти бриг.

Тогда совершилось нечто до такой степени смелое, что очевидцы никогда с тех пор не могли забыть того, что совершилось на их глазах.

От шхуны отплыла легкая лодка, в которой сидели только два человека, и направилась из рейда прямо в открытое море. Миновав Розольфский мыс, она достигла края мыса и остановилась. Неужели она намеревалась обогнуть их и кинуться в самую пасть Мальстрема? На «Ральфе» никто не допускал и мысли о таком безрассудном шаге.

А между тем, постояв немного, лодочка пошла дальше вперед, обогнула рифы и при общем волнении храбро направилась к самому водовороту.

На борту «Ральфа» еще никто не понимал, а Надод с усмешкой спросил: уж не собралась ли лодочка взять бриг на буксир? Никто не поддержал эту нелепую шутку насчет людей, которые в эту минуту рисковали жизнью для спасения «Ральфа» сами еще не зная, окажется ли им по силам такая трудная задача.

Мистер Ольдгам, как раз в это время вышедший на палубу подышать свежим воздухом, услышал замечания Надода и глубокомысленно отозвался на него, что, по его мнению, «со стороны лодки подобная претензия не имела бы смысла, хотя в басне и рассказывается о лягушке, пытавшейся сравняться с волком».

Почтенный клерк не подозревал, какой опасности подвергается корабль. Не имея никакого понятия о мореплавании и будучи, кроме того, крайне близоруким, он не сознавал того, что кругом его делалось, и был вполне убежден, что все идет как нельзя более благополучно. Вдобавок еще, основываясь на словах Эриксона и Билля, вечно над ним подшучивавших, он был убежден, что «Ральф» находится в водах Океании и что лодка, выплывшая в море, – не что иное, как пирога с туземцами, везущими на корабль свежие фрукты.

– Наконец-то мы отведаем этих знаменитых фруктов! – говорил он, потирая руки.

Он подошел к борту, облокотился вместе с другими и стал следить за движениями пироги.

Лодка сначала прошла мимо рифов, причем оба сидевшие в ней моряка храбро боролись с огромными волнами, замедлявшими ее ход. Третий матрос с яхты тем временем шел по берегу к рифам, пытаясь сблизиться с нею. На бриге всех била лихорадка... Чем-то все это кончится?

Дальше лодка не могла идти, иначе она угодила бы прямо в водоворот. Для того чтобы третий матрос мог догнать ее, он должен был проделать на рифах какое-нибудь чудо эквилибристики... Это ему, однако, удалось: он лег на живот, до половины свесившись над волнами, и бросил в лодку довольно объемистый пук чего-то. Вслед за тем матросы в лодке налегли на весла и понеслись прямо к Мальстрему, в котором лодка их и исчезла, точно соломинка, брошенная в водопад. На «Ральфе» раздался единодушный крик ужаса:

– Они погибли! Они погибли!

Но в ответ на этот отчаянный крик со шхуны грянуло торжествующее «ура»: лодка показалась вновь позади первой волны и понеслась с быстротой молнии.

Менее чем в десять минут она сделала тот первый круг, который был уже пройден «Ральфом», и все матросы брига бросились на корму, чтобы поближе взглянуть на лодку, подхлывшую к пиратскому кораблю. Но в это время на яхте выстрелили из пушки, чтобы снова обратить внимание погибающих на выставленный сигнал. Увидав на яхте два флага, Ингольф перевел матросам:

– Готовьте швартовы!

В одну минуту десятки рук спустили в море все свободные канаты – и как раз в самую пору: лодка приближалась с головокружительной быстротой.

В ней сидели два моряка, подобных каким вряд ли можно было найти во всей Норвегии, этой родине смелых мореходов. Подъехав к бригу, они схватили спущенные веревки, привязали их к лодке и крикнули:

– Тащи!

Голоса их были так спокойны, как если бы все это происходило в безопаснейшем рейде.

Блоки заскрипели, и лодка, поднятая восемью сильными матросами, разом была втянута на корабль.

Ингольф ожидал увидеть двух грубых моряков, привыкших ко всяким бурям, и велико же было его удивление, когда на палубу проворно вскочили два молодых человека лет по двадцати пяти. Оба были высоки, стройны, с изящными манерами... Прежде чем он успел опомниться, молодые люди окинули глазами весь экипаж и узнали капитана по шведскому мундиру, с которым Ингольф никогда не расставался.

– Надо спешить, капитан, – сказал один из них, – ведь нам дорога каждая минута. Велите тянуть за эти веревки, они притащат на ваш бриг канат, крепко привязанный к рифам и могущий устоять против всей силы Мальстрема.

Они говорили про тот самый канат, который Ингольф принял за рыболовную сеть.

Эти слова разом объяснили Ингольфу всю суть. Обогнув Розольфский мыс, молодые люди нарочно прошли мимо рифов, чтобы принять с яхты пук веревок, и пустились в водоворот, чтобы передать бригу этот якорь спасения.

Рискованная операция удалась лишь благодаря необыкновенному мужеству и самоотверженности молодых моряков, но теперь было не до взаимных любезностей: нужно было докончить скорее дело, так как «Ральф» далеко еще не находился вне опасности.

Ингольф от всего сердца пожал руки своим спасителям и принялся исполнять посоветованный ими маневр.

Шестьдесят матросов «Ральфа» легко притянули на борт канат, укрепленный на Розольфском мысе, привязали его к шпилью. Со страхом ожидали все, окажется ли канат довольно крепок, чтобы бороться с течением. Победа!.. Канат выдержал!.. «Ральф» спасся!..

Двадцать человек принялись вертеть шпиль, и бриг постепенно вышел из водоворота. Встав под ветер, он благополучно обогнул рифы и бросил якорь по другую сторону мыса в той небольшой гавани, куда еще прежде пришла неизвестная яхта.

Весь экипаж брига выстроился на палубе и прокричал по команде троекратное «ура» в честь своих спасителей.

Глава V. Сыновья герцога Норрландского

Один только человек из всего экипажа не догадывался об опасности, которой подвергся «Ральф».

Человек этот был мистер Ольдгам, который, выпавшись сном праведника у себя на висячей койке, лишь на короткое время вышел на палубу полюбоваться на пальмовые рощи, будто бы росшие тут на гранитных утесах. Так по крайней мере уверил Ольдгама его приятель Эрик-сон.

– Господа, – сказал Ингольф двум морякам, когда восторг на «Ральфе» несколько поутих, – мы вам обязаны жизнью; знайте же, что восемьдесят храбрых моряков навсегда сохранят об этом воспоминание и с радостью отдадут за вас жизнь, если представится к этому случай.

– Наш подвиг вовсе уж не так велик, капитан, как это кажется с первого взгляда, – отвечал один из незнакомцев. – Мы с братом выросли здесь на берегах и очень часто, из любви к искусству, вступали в борьбу с Мальстромом. Способ, который мы употребили для спасения вашего корабля, удавался нам и раньше, когда мы спасали другие корабли; после этого могли ли мы упустить случай сохранить для нашей родины такое прекрасное военное судно?

Эти слова были для всего экипажа «Ральфа» ушатом холодной воды. Даже Ингольф покраснел, несмотря на все свое самообладание, но впрочем скоро оправился и, понимая необходимость доиграть до конца навязанную ему собеседником роль, кинул быстрый предостерегающий взгляд на своих матросов, как бы говоря им: «Смотрите же, будьте у меня осторожнее!» Затем он смело отвечал:

– Будьте уверены, господа, что королю будет доложено о той великой службе, которую вы ему сослужили.

Едва он произнес эти слова, как оба молодых человека быстро подняли головы, и в их глазах сверкнула молния ненависти.

– Это совершенно лишнее, милостивый государь, – гордо возразил тот моряк, который до этого времени молчал, – и мы вам будем очень благодарны, если вы ничего подобного не сделаете.

Ингольфу заинтересовала причина подобного нежелания, и, кроме того, какое-то смутное предчувствие зародилось у него в душе.

– Но ведь обязан же я донести до начальства, – заметил было он, – и тогда...

– Вы сейчас сказали, что очень благодарны нам, – быстро перебил его моряк, – в таком случае исполните нашу просьбу, не говорите никому о нашей вам услуге – и мы будем квиты.

Ингольфу очень хотелось продлить пререкания, но он сдержал себя и с поклоном ответил:

– Хорошо, господа. Вы так много для меня сделали, что я не в силах противиться вашему желанию: оно для меня закон... Тем более, что у вас, конечно, есть свои причины... Хотя и непонятные для меня...

Пират вступил на скользкую почву. Молодые люди нахмурились. Ингольф вовремя спохватился и ловко закончил фразу, которая едва не приняла для его спасителей оскорбительный оборот.

– Да, – с особенною силой проговорил он, – я совершенно не понимаю, почему вы не хотите доставить мне удовольствие огласить ваш из ряда выходящий подвиг, за который вам, конечно, дали бы большую награду.

– Все наше честолюбие состоит в том, чтобы время от времени оказывать услуги нашим ближним, и больше нам никакой награды не нужно... Оставим этот разговор, капитан... Цель наша достигнута – и прекрасно, не о чем больше толковать... Кстати, позвольте задать вам

один вопрос: военные корабли сюда почти никогда не заходят, поэтому вам, вероятно, дано какое-нибудь особенное поручение. Уж не ищите ли вы дерзкого пирата капитана Вельзевула? Ходит слух, что его недавно видели близ Эльсинора и, очень может быть, что, скрываясь от преследования, он направился... Капитан, что с вами? Вы ужасно побледнели...

Ингольф едва не лишился чувств, услышав этот неожиданный вопрос, но быстро пересилил себя и, насколько мог, оправился.

– Нет, это так... ничего... пройдет, – отвечал он. – У меня всегда после сильного волнения делается сердцебиение... это уже давно... Вы видите – мне уже и лучше.

К счастью, офицеры и матросы были в это время уже на своих местах, так что последнюю часть разговора слышал один только Надод. Красноглазый издали наблюдал за молодыми людьми, наблюдал внимательно, как хищный зверь, подстерегающий добычу. Можно было подумать, что их лица напоминали ему что-то знакомое, и он старался теперь припомнить, что именно... Услышав их вопрос, так поразивший Ингольфа, Надод тоже сделал жест изумления, но этот жест не был замечен молодыми людьми, так как Красноглазый стоял от них далеко, возле самого борта.

Впрочем, капитан не дал им времени на размышление и пояснил, что ему дано простое гидрографическое поручение, не имеющее ничего общего с погоней за знаменитым корсаром...

– Знаменитый корсар! Вы делаете этому гнусному разбойнику слишком много чести, капитан, называя его корсаром... Мне очень жаль, что вам не поручено померяться с ним, потому что, имея такой сильный корабль и такой прекрасный экипаж, вы без труда избавили бы нас от этого бандита.

Эти слова пребольно укололи Ингольфа. Рыцарь в душе, хотя и упавший очень низко по стечению неблагоприятных обстоятельств, он всегда страшно страдал при мысли о том, как все честные люди должны его презирать. Каково же было ему теперь молча выслушать эпитет гнусного разбойника – и от кого же? От человека, спасшего ему жизнь!

– Милостивый государь – сказал он с неуместным, быть может, волнением в голосе, – вы забываете, как он отличился в войне с Россией и как плохо отблагодарили его за это в Швеции. Как знать, быть может, обстоятельства против воли толкнули его на этот путь... Многие флотские офицеры и сейчас жалеют, что ему не дали чина, вполне им заслуженного во многих кровавых боях... Всею виной зависть начальства и слабодушие короля... После войны его выбросили вон, как ненужную вещь, а когда он заявил протест, объявили его вне закона. Он вынужден был защищаться... Вот почему, господа, я и назвал его корсаром.

– Безумец! Он выдает себя с головой! – в ужасе бормотал Надод, слушая товарища.

Действительно, Ингольф к концу этой самозащитительной речи сильно разгорячился. Голос его дрожал, в нем слышались ноты негодования. Очевидно, он и сам спохватился, что поступает неосторожно, потому что вдруг оборвал свою речь и прибавил в виде пояснения и поправки:

– Разумеется, я его не оправдываю, я только доискиваюсь смягчающих обстоятельств, что, впрочем, нисколько не помешает мне сразиться с ним при первой же встрече.

К удивлению Надода, речь капитана произвела на незнакомцев совсем не такое впечатление, какого Надод ожидал и опасался. Молодые люди, со свойственным их возрасту великодушием, были сильно взволнованы речью капитана, которую приписывали лишь чувству справедливости, в нем заговорившему, и один из них сказал:

– Слыша от вас, капитан, подобное суждение, мы, пожалуй, готовы взглянуть другими глазами на этого авантюриста, которого нам до сих пор описывали лишь самыми мрачными красками.

– Прибавлю еще, господа, что Густав III хотел поступить с ним как с пиратом, хотя сам же выдал ему крейсерский патент. Капитан Вельзевул отказался выдать корабль лишь после того, как узнал об этом намерении.

– От Густава III все станется... С вашей стороны, капитан, очень хорошо, что вы защищаете оклеветанного.

С этими словами молодые люди крепко пожали Ингольфу руку.

– А о том, как мы потом пиратствовали, – молчок! – глухо пробормотал ужасный Надод и ухмыльнулся: – Посмотришь, какой благочестивый рыцарь наш «капитан Вельзевул»!

Ингольф поймал усмешку товарища и понял ее значение, но ограничился тем, что презрительно посмотрел на него, как бы говоря: «Подожди, я еще с тобой за это рассчитаюсь!»

Урод сейчас же перестал ухмыляться: он знал, что на капитана находят такие порывы гнева, что он бывает опасен. Один уж раз капитан его чуть не задушил, и Надод не имел ни малейшего желания повторять опыт.

В эту минуту на «Сусанне» – так называлась хорошенькая яхта – слышались веселые крики:

– Ici, Фриц! Ici! Вот я тебя палкой!

Все взглянули на палубу яхты, по которой весело прыгал огромный белый медведь. За медведем с хохотом гонялись матросы.

– Фриц принялся за свои штуки! – со смехом вскричали молодые люди.

– Ведь он их, пожалуй, заест, – сказал Ингольф, думая, что медведь вырвался из клетки.

– О, что вы, нет: он смирен, как ягненок, и верен, как собака. Мы его еще медвежонком достали в Лапландии и сами вырастили. С тех пор он от нас не отходит и всегда ложится у наших ног. Когда мы поехали к вам на помощь, его пришлось запереть, так как он непременно желал сесть к нам в лодку, а это нам только бы помешало. Его, вероятно, выпустили, а так как он слышит наши голоса, то и желает прийти к нам, а матросы дразнят его и не пускают. Только им это не удастся – он непременно прибежит сюда.

– Белые медведи очень дики и злы, – заметил Ингольф. – Вероятно, вам стоило большого труда его приручить?

– Вовсе нет. Первым делом мы позаботились отучить его от мяса, так как в противном случае его нельзя было держать на свободе. Для этого мы ему несколько раз предлагали кусок свежего мяса, обвитый железной проволокой с заостренными гвоздями. Медведь бросался на мясо и в кровь раздирал себе пасть и лапы. Часто проделывали мы этот опыт, но кровожадность пересиливала в нашем медведе боль, и он по целым часам возился над куском, возбуждавшим его аппетит. Наконец мы придумали раскалить сетку добела. Когда медведь бросился на лежавшую в сетке говядину, он страшно обжег себе морду, язык и лапы, так что целый месяц после того прохворал, но цель на этот раз была достигнута: выздоровев, медведь с тех пор даже и смотреть не стал на мясо; сколько его ни приманивали говядиной, он постоянно отворачивался. И теперь – стоит ему близко поднести к носу мясо, как он заворчит и убежит. Мы можем быть вполне спокойны, что он не убьет никого для того, чтобы съесть.

Тем временем Фриц, видя, что матросы отовсюду заступили ему дорогу, не долго думая полез на грот-мачту и, пройдя, словно акробат, по грот-рее, которая, благодаря близости обоих кораблей, соприкасалась со снастями «Ральфа», спустился по веревкам снастей брига на его палубу.

Самый ловкий матрос не мог бы сделать лучше.

С радостным ворчанием огромный зверь бросился к своим хозяевам и стал ласкаться к ним, точно собака...

– Будет, Фриц! Довольно! – сказал один из них и прибавил притворно-сердитым голосом: – Как ты смел прийти сюда без позволения? Пошел назад! Сейчас! Ну! Ступай!

Медведь сконфуженно встал и кинул на хозяина умоляющий взгляд, как бы прося позволения остаться, но тот продолжал повелительным тоном:

– Слышишь? Сию минуту ступай!

Бедный Фриц опустил свою громадную голову и обычной медвежьей походкой, тяжелой и медленной, вернулся на яхту тем же путем, каким пришел.

– Это удивительно! – заметил Ингольф. – Вот уж никак не думал, чтобы можно было выдрессировать такого свирепого зверя.

– С ним мы можем не бояться десяти вооруженных человек: он будет нас защищать до последнего вздоха. Но особенно он полезен нам от волков: без него мы не решались бы охотиться зимою в самых отдаленных уголках снеговых степей, а теперь охотимся...

В то время как Фриц прыгал по палубе «Ральфа», из одного люка выставилась голова мистера Ольдгама. Почтенный счетовод выходил давеча утром на палубу лишь на одну минуту и, соображая, что бриг находится близ каких-то островов Океании, поспешил к своим книгам, чтобы привести их в порядок и затем отпроситься на берег. Мистеру Ольдгаму до страсти хотелось видеть канаков. От своего тестя, мистера Ортескю, почтенный клерк унаследовал несколько томов иллюстрированных путешествий и всегда желал убедиться воочию, действительно ли изображенные там дикари таковы, какими их рисуют. Миссис Ольдгам, например, никак не хотела допустить, чтобы могла в действительности существовать подобная простота в одежде, как небольшой передник и ничего больше. Она дивилась: каким это образом полисмены терпят такое бесчиние.

Каждый вечер, собравшись за чаем, семья Ольдгамов занималась чтением путешествий и рассматриванием иллюстраций. Если кто-нибудь из многочисленных детей оказывался виновным в какой-нибудь шалости или разрывал панталоны, куртку, передник – его наказывали тем, что отправляли спать, не позволив поглядеть картинок и послушать чтения.

При этом следует заметить, что мистер Ольдгам под именем канаков подразумевал решительно всех австралийских дикарей.

В те минуты, когда миссис Ольдгам находилась в хорошем расположении духа, что, впрочем, случалось далеко не всегда, клерк говорил ей:

– Знаешь что, Бетси? Когда мы разбогатеем, мы купим небольшой куттер, которым даже Джек будет командовать (конечно, Джек будет тогда уже капитаном), и поедем смотреть на канаков.

Джек был шаловливый мальчишка одиннадцати лет, который раз пять на неделе убегал из школы, чтобы пускать по лужам доски, привязанные на веревке. Папенька называл это «ранним проявлением склонности к благородному поприщу моряка».

Несчастливая страсть к канакам и послужила, между прочим, причиной разлуки мистера Ольдгама с семьей и начальником. Однажды достойный клерк мистера Пеггама, нотариуса, адвоката и солиситора в Чичестере, проходил берегом моря, направляясь в контору своего патрона. Вдруг он увидел двух моряков, которые, привязав лодку к берегу, шли к нему навстречу. Велика была радость Ольдгама, когда он узнал, что моряки эти только что из страны канаков. Ингольф, давно искавший себе бухгалтера, воспользовался случаем и предложил Ольдгаму посетить его бриг, чтобы полюбоваться на разные интересные коллекции.

– Это можно сделать в какие-нибудь два часа: бриг стоит недалеко, милях в двух от берега.

Ольдгам согласился. Он пришел в восторг от мысли увидеть настоящие ассагаи и ядовитые стрелы, которые до того времени он видал лишь на картинках. Клерка привезли на бриг. Остальное читатель уже знает. Все время мистер Ольдгам полагал, что находится на военном крейсере шведского короля Густава III, хотя его удивляло, что Швеция ведет войну одновременно со столькими державами: на глазах у клерка были потоплены корабли всевозможных

наций. Впрочем, его приятель Эриксон всякий раз придумывал в объяснение какую-нибудь небылицу, и клерк успокаивался.

Просто потеха была смотреть на Эриксона, Билля и Ольдгама, когда они вместе сидели за столом и обедали: проказники-официанты рассказывали клерку небылицы одна другой несообразнее, а тот слушал и умилялся. Ольдгама, вследствие его крайней близорукости, можно было уверять решительно в чем угодно. Так в настоящее время он был вполне убежден, что «Ральф» пришел к океанийским островам. Когда бриг бросил якорь, мистер Ольдгам решился оставить на минутку свою работу и поглядеть на невиданные чудеса. С этой целью он выставил голову из переднего люка.

Ингольф увидал клерка и сейчас же понял, как опасно допустить его на палубу. Наверное, он, по обыкновению, не преминул бы заявить свой протест при незнакомых свидетелях, а этого было бы достаточно, чтобы у спасителей «Ральфа» зародились подозрения.

Молодые люди взглянули в ту сторону, куда бросил свой взгляд капитан, и оба в одну минуту побледнели, как полотно. Один из них, не стесняясь присутствием Ингольфа, пролепетал:

– Какое странное сходство!

– Ни дать, ни взять Ольдгам, клерк подлеца Пеггама, – произнес другой моряк.

Ингольф вздрогнул, как от электрической искры, и взглянул на Эриксона, стоявшего в то время на вахте, присоединив ко взгляду выразительный жест. Взгляд и жест означали: во что бы то ни стало уберите Ольдгама и не позволяйте ему показываться. Действительно, нужно было всеми силами помешать встрече клерка с моряками, так как она обнаружила бы истинный характер «Ральфа». В самом деле – трудно было допустить, чтобы шведское военное судно позволило себе такую дерзость, как похищение на английском берегу чиновника, в услугах которого ему встретила надобность.

Эриксон понял и направился к люку.

– Господа, – сказал любезно капитан, словно не замечая смущения своих посетителей, – прежде чем нам расстаться, быть может, навсегда, позвольте мне предложить вам легкий завтрак.

– Одно слово, капитан, – с живостью перебил его один из моряков. – Скажите мне правду: как зовут того человека, который сейчас выглянул из люка?

– Седжвик, – не колеблясь отвечал Ингольф, – это наш комиссар. А что, вы разве его знаете?

– Нет, но он ужасно похож на одного англичанина, которого мы имели случай видеть несколько лет тому назад... До того похож, что просто одно лицо.

– Действительно, я заметил, что при виде Седжвика вы как будто пришли в волнение.

– Это верно: поразительное сходство вашего комиссара с тем англичанином разом напомнило нам все перипетии одной темной, таинственной драмы, ключа к которой нам с братом до сих пор не удалось отыскать.

При этих словах моряка глаза у Надода загорелись, как у тигра, готового броситься на добычу.

– Мы с братом! – прошептал Красноглазый. – Десять лет жизни отдал бы я за то, чтобы узнать, кто они такие!.. Во всяком случае, надо будет уведомить Пеггама... Какую ж, однако, роль мог играть в драме этот идиот Ольдгам?

– И вы подумали, – отвечал Ингольф, – что нашли здесь одно из действующих лиц этого приключения?

– О, нет! Тот человек, которого нам напомнил ваш комиссар, участвовал в драме лишь как бессознательное орудие. Истинных же виновников мы поклялись отыскать и наказать...

– Если только они дадут тебе время! – подумал Красноглазый.

Молодой человек взглянул на люк, где перед тем видел голову лже-Седжвика, но тот уже исчез. Тогда он машинально перевел глаза на Надода и даже вздрогнул, когда увидал, какую страшной ненавистью было искажено лицо Красноглазого. У молодого человека невольно сжалось сердце от какого-то дурного предчувствия. Но это было лишь мимолетным ощущением: Надод заметил, какое впечатление он производит, быстро оправился и, обратясь к Ингольфу, объявил, что завтракать не пойдет, так как чувствует себя нехорошо.

– У меня сделался такой сильный припадок невралгии, – сказал он, – что я просто не могу выносить...

Надод в эту минуту был так отвратителен, как никогда.

Эти слова разом переменили направление мыслей у молодых людей. В самом деле, какое значение мог иметь для них этот незнакомый урод, которого они даже никогда не видали? Впрочем, им обоим все-таки захотелось как можно скорее уехать с этого странного корабля. Станным же он казался для них по многим причинам, которых всякий не-моряк даже бы и не заметил. Так, между прочим, им бросилась в глаза какая-то неуловимая фамильярность между офицерами и матросами, совершенно неуместная на военном корабле.

Молодой человек, постарше, сделал знак брату. Тот понял, что нужно поскорее закончить завтрак. Съев несколько бутербродов и выпив по стакану портера, молодые люди стали прощаться с капитаном, против которого у них зародилось смутное подозрение.

– Не смею вас задерживать, господа, – говорил, провожая гостей, Ингольф. – После такой беспокойной ночи вам следует отдохнуть, да и ваши друзья, по всей вероятности, беспокоятся о вас.

– Это верно, капитан, – отвечал старший брат, – и хотя мы вообще делаем продолжительные поездки по морю, но на этот раз обещали отцу скоро вернуться, и он теперь в полном убеждении, что мы совершаем лишь небольшую прогулку по Розольфскому фиорду.

Надод стоял в стороне, по-видимому, все еще чувствуя страшную боль, но это было с его стороны одно притворство. На деле же он внимательно прислушивался к разговору, из которого не проронил ни одного слова.

– Розольфский фиорд! – прошептал он. – Неужели этот дурак Ингольф не догадался спросить, как их зовут?

Как бы отвечая на эту мысль, капитан Вельзевул, к величайшей радости Надода, сказал, обращаясь к молодым морякам:

– Надеюсь, мы не расстанемся, не познакомившись как следует?

И прибавил, раскланиваясь:

– Шведского флота капитан 2-го ранга Эйстен.

Молодые люди вежливо ответили на поклон, и старший из них сказал:

– Моего брата зовут Олаф, а меня – Эдмунд. Мы – сыновья наследного герцога Норрландского. Если вы не торопитесь выйти в море, то мы будем очень рады...

Молодой человек вдруг умолк, услышав страшный крик Надода – крик не то дикой радости, не то нестерпимой боли. Очевидно, впрочем, то был крик боли, потому что Надод, изнемогая от страданий, пошатываясь, направился по палубе в свою каюту.

Затворив за собой дверь, он с торжествующим видом поднял свою огромную голову и, убежденный, что его никто не может услышать, вскричал:

– Сыновья герцога Норрландского! Да, это они: моя ненависть почуяла их и узнала... А я-то боялся, что отец отправит их на службу к русскому двору!.. Какое счастье, что они не сказали своего родового имени! Ведь этот дурак Ингольф, со своими рыцарскими чувствами, никогда не согласится помогать мне против них... О, Гаральд Биорн, я не только тебя разорю, я отниму у тебя то, чем ты всего более дорожишь... Ты не сжалился надо мной, когда моя мать умоляла тебя со слезами... Для тебя у меня тоже не будет сострадания... Долго я ждал этого желанного мига.

Когда я работал под кнутом в мрачных казематах Эльсинора, меня удерживала от самоубийства лишь надежда, рано или поздно, тебе отомстить, Гаральд Биорн, исцелиться твоими страданиями, насытиться твоим отчаянием... Этой надеждой я только и жил... О, что за радостный день!.. Нет лучше, нет сладострастнее музыки, чем рыдания и вопли побежденного врага!..

Надод был в эту минуту так отвратителен, как никогда. Волосы у него на голове поднялись дыбом, как шерсть у оцетинившегося зверя, ужасный кровавый глаз дико вращался в своей орбите... Это был не человек, а какое-то чудовище, какое-то сказочное страшилище. Злодея просто душила люта́я ненависть, гангреной разъедавшая его сердце.

Глава VI. Важная новость

Во время этой дикой сцены в каюте другая сцена, еще более животрепещущая, происходила на палубе.

Молодой человек, назвавший себя Эдмундом, закончил свою, прерванную Надодом, фразу, пригласив Ингольфа, если у того есть время, посетить фиорд Розольфсе и его живописные окрестности.

– Мы будем очень рады видеть вас у себя в гостях, – прибавил он. – Мы можем поохотиться вместе на оленя, медведя и волка в обширных норрландских равнинах. Ведь вы наш товарищ, потому что мы тоже моряки.

Открытое, непринужденное обращение Ингольфа и его джентльменская наружность рассеяли все подозрения, на минуту зародившиеся было у Эдмунда.

– Я так и предполагал, что вы моряки, – улыбаясь, отвечал капитан, – потому что обыкновенные любители не могли бы так прекрасно править судном. Но все-таки я не думаю, что сыновья герцога Норрландского бывали в дальних плаваниях...

– Вы ошибаетесь, капитан, мы с братом состоим на службе во французском военном флоте и в настоящее время пользуемся отпуском с правом вернуться на службу, когда захотим.

– У вас, очевидно, есть протекция, потому что подобные отпуска – по крайней мере в шведском флоте – даются лишь офицерам высших чинов.

Молодые люди ничего не ответили, только улыбнулись.

– Следовательно, вы принимаете наше приглашение? – спросил Эдмунд.

Ингольф не был хозяином своего времени: у него с Надодом было заключено одно тайное условие, с сущностью которого мы скоро познакомим читателей. Поэтому он уже собирался ответить, что с прискорбием отклоняет любезное приглашение, как вдруг к нему подбежал с необычайною торопливостью Альтенс и доложил, что желает поговорить с капитаном по делам службы.

– Извините меня, господа, – сказал капитан своим гостям, – но ведь вы сами знаете: служба не ждет.

Молодые люди поклонились, а Ингольф ушел с Альтенсом в кабинет.

– Что такое? – спросил он, как только затворилась дверь.

– Важная новость, командир мой, – отвечал Альтенс. – На юго-западе показалась эскадра в шесть военных кораблей, я сам видел. Они, наверное, ищут нас.

– Почему это непременно нас?

– А то зачем бы целой эскадре идти в Ледовитый океан?

– Это правда.

– Если даже они не напали на наш след, все же они нас увидят и погонятся за нами.

– Быть может, они уже даже и увидели нас?

– Нет, потому что в таком случае они повернули бы в нашу сторону, а между тем они идут все в прежнем направлении...

– Куда же они идут?

– По-видимому, на запад.

– Стало быть, они от нас удаляются?

– Да, они еще не видят нас, но пройдет час, не более – и увидят.

– Ну?

– Ну и поймают нас, как лисицу в норе, если только мы... Впрочем, не мне вас учить, командир мой...

– Говори, говори, не бойся.

– Если мы не выйдем сейчас же в море и не воспользуемся быстрым ходом «Ральфа».

– Мысль недурная. «Ральф» превосходный ходок.

– Других и нет таких.

– Знаю, но это средство я приберегу под конец, иначе все наши планы разрушатся. Наконец наше бегство прямо обнаружит нашим спасителям, кто мы такие, а этого я не хочу – по крайней мере в данную минуту.

– В таком случае нам остается только снять мачты, расснастить и разоружить корабль, благо на «Ральфе» все отлично приспособлено к этому, и спрятать кузов за одним из здешних утесов.

– У меня есть средство получше, – возразил Ингольф, подумав несколько минут. – Тебе знаком Розольфский фиорд?

– Я плавал там еще в детстве, когда был юнгой на небольшом куттере, два раза в год возившем в замок разный груз.

– В какой замок?

– Не знаю. Патрон говорил мне всегда «замок», а какой – я никогда не слышал.

– Ты думаешь, что «Ральф» будет там в безопасности?

– О, еще бы! Корабль с большим водоизмещением войти бы в бухту не мог вследствие незначительной глубины канала, а «Ральф» сидит в воде очень неглубоко. Но только вход в фиорд не свободен: он составляет частную собственность герцога Норрландского.

– Так знай же, любезный Альтенс, что молодые люди, спасшие нас сегодня утром, – сыновья герцога Норрландского, и зовут нас к себе в гости.

На бесстрастном лице капитанского помощника не изобразилось ни радости, ни удивления. Суровый моряк только отвечал:

– Это очень кстати, капитан, потому что теперь нам можно будет уйти от крейсеров, не подавая и вида, что мы спасаемся бегством.

– Вели же поднять якорь. Уж если идти, так идти скорее. Необходимо достигнуть фиорда, прежде чем эскадра нас увидит.

Возвратясь на палубу, Ингольф объявил, что принимает приглашение, так как имеет возможность пожертвовать четырьмя или пятью днями, не нанося никакого ущерба порученному ему делу.

Олаф и Эдмунд вернулись на свою шхуну распорядиться отплытием, а на «Ральфе», по приказу Альтенса, унтер-офицеры принялись свистать матросов наверх.

Менее чем через час оба корабля входили в Розольфский канал. Яхта шла впереди, бриг следовал за нею. Когда корабли приблизились к скалам, Альтенс, все время следивший за движением эскадры, увидел, что она переменила курс и пошла к берегу. Не зная, чему это приписать, случайности или умыслу, Альтенс с затаенной тревогой продолжал глядеть в подозрную трубку. Вдруг вдали сверкнул огонь, и по волнам прокатился пушечный выстрел. Несомненно выстрел относился к шхуне и бригу: эскадра требовала, чтобы они остановились, основываясь на предоставленном военным кораблям праве осматривать встречные суда.

Выстрел был так далек, что звук его уловило только опытное ухо Ингольфа, огня же никто не видал, кроме Альтенса, стоявшего на марсе. Когда Альтенс, спустившись с марса, подошел к своему капитану и подтвердил его догадку, Ингольф заметил ему без малейшего заметного волнения:

– А ты не рассмотрел, какой национальности корабли?

– Не разобрал флага за дальностью расстояния, но по оснастке и по всему мне кажется, что они английские.

– Английские! – вскричал Ингольф. – Пусть только они попробуют встать мне поперек дороги, я им дам себя знать. Выставь на марсе вахтенного понадежнее, потому что они, быть может, пошлют в фиорд лодку.

Ингольф ушел к себе в каюту. На «Ральфе» все делалось совершенно так, как на военных кораблях: командир жил особняком и отдавал приказания через старшего офицера, появляясь на палубе лишь в экстренных случаях.

Оставшись один, Ингольф позвонил и велел послать к себе Надода. С Красноглазым он был связан уговором относительно цели экспедиции, и теперь его беспокоила мысль о том, как отнесется его товарищ к предстоящему новому промедлению.

Разумеется, Ингольф несколько не боялся Надода, но с этим дикарем случались иногда припадки такой ярости, что приходилось немало хлопотать над его укрощением. Однажды Ингольф вынужден был позвать четырех матросов, чтобы они привязали Надода к кровати, на которой капитан и продержал его до тех пор, пока безумец не успокоился. Такие сцены, разумеется, не могли доставить Инголфу удовольствия, и потому он их благоразумно избегал.

И как могли сойтись эти два человека, столь не похожие друг на друга ни характером, ни происхождением, ни воспитанием? Очевидно, их сблизило какое-нибудь одно общее темное дело...

Подобные совпадения иногда случаются, совершенно спутывая все человеческие расчеты... Разумеется, и Олаф с Эдмундом, зная они правду о «Ральфе» и его экипаже, ни за что не стали бы спасать их от ярости Мальстрема и не пригласили бы Ингольфа к себе в гости... Но откуда могли они все это знать?

Прежде чем поднять, наконец, завесу, скрывавшую тайны преступного бандитского товарищества, и приступить к изложению драматических событий, составляющих предмет нашего рассказа, мы намерены сообщить читателям некоторые подробности о старинной герцогской фамилии, к которой принадлежали Эдмунд и Олаф и которую так смертельно ненавидел Красноглазый.

Причины этой ненависти читатель тоже узнает в свое время.

Что касается Ингольфа, то он хотя и знал о мстительных намерениях Надода, но совершенно не догадывался, что эти намерения относятся именно к спасителям «Ральфа» и его команды.

Глава VII. Фиорд Розольфсе

Едва ли где-нибудь океан представляет более величественное зрелище, нежели близ Розольфского мыса, где происходят описываемые нами события. При малейшем северном ветре в открытом море образуются волны и с ревом бросаются на скалы, словно желая взять их приступом и смыть с берега. Одни из волн, разбиваясь о скалы, разлетаются белой клочковатой пеной, а другие, с ревом отхлынув от утесов, разбегаются по всем окрестным фиордам иногда миль на пятнадцать кругом.

Это именно великое море, Ар-Мор, как называли его древние кельты, оно является то мрачным и гневным, когда над ним низко повиснут тяжелые, навешанные с севера тучи и когда оно грозно рокошет свою прелюдию к буре; то тихим и спокойным, когда волны его спят в глубоких безднах и блестящая темно-зеленая гладь отражает редкие лучи северного солнца; но как в том, так и в другом случае оно кажется одинаково гордым и важным в своей неизмеримости и беспредельности.

Капризно оно, непостоянно; два дня подряд не бывает оно одинаковым; вечно меняется, вечно в движении, только шхеры его всегда неизменны и угрюмы.

А между тем – странное дело! – несмотря на такую изменчивость океан всегда производит одинаковое впечатление. Причина этому та, что океан, как в бурю, так и в затишье, представляет лишь бесформенный хаос, где отдельные контуры выступают неясно, сливаясь в одно общее ощущение неизмеримости.

Человеческий дух есть лишь зеркало, отражающее различные образы природы. Поэтому вечное созерцание океана с его однообразным общим характером и неясностью подробностей наложило отпечаток угрюмой мечтательной суровости на характер жителей этих окраин Норвегии.

Помимо бесчисленных, извилистых и широких фиордов, изрезающих северную Норвегию, берега ее усеяны островами, скалами, шхерами, рифами, вокруг которых при каждом приливе и отливе бурлят и кипят сердитые волны, сталкиваясь между собою и образуя непродоходимую преграду из водоворотов, поглощающих всякий корабль, сунувшийся туда без лоцмана. Никакое знание, никакая опытность не могут тут поддержать моряка.

Эти почти совершенно недоступные берега, огражденные сверх того тайными подводными рифами, могли бы дать убежище целому флоту морских разбойников – убежище верное, где они могли бы смеяться над самой страшной погоней.

Именно отсюда средневековые норманы отправлялись в море на своих плоскодонных судах, не боясь никаких бурь, и наводили ужас на Францию и Англию. Они являлись внезапно, грабили прибрежные города и, прежде чем успевали подойти войска, уплывали в море. До самого начала текущего века потомки этих норманов были самыми отважными ценителями моря. Под предлогом рыбной ловли они пробирались в Балтику, в Северное море, крейсировали у выхода из Ла-Манша – и все это в легких лодках, во всякую погоду.

Горе было коммерческим кораблям или неповоротливым испанским галлионам с грузом золота! Их окружали, экипаж истребляли до последнего человека, груз отбирали, а корабли пускали ко дну.

И при всем том грабители не оставляли после себя никаких следов.

На закате солнца, когда поднимался ветер, предвещавший бурю, из всех фиордов выплывали легкие шхунки, проворно скользившие по воде, словно большие хищные птицы. Они отправлялись на поиски заблудившихся кораблей, приманивая их к рифам, среди которых только эти шхунки и могли плавать, – и на другой день весь этот берег оказывался покрытым всевозможными обломками, которыми делились между собою дикие поморы.

Смягчение нравов, умственный прогресс, а главное – усовершенствование морской полиции по новейшим международным законам почти совершенно подавили морской разбой, но варварское пользование береговым правом, по которому остатки от разбитых бурей кораблей доставались прибрежным жителям, существовало еще долго, вопреки всем усилиям его отменить. Оно существует, вероятно, и до сих пор, если принять во внимание, что и в наше время бывают случаи таинственных исчезновений кораблей.

Вокруг Розольфского мыса тянутся обширные равнины, поросшие мхом, травой, черникой и вереском; местами над этой тощей растительностью торчат приземистые северные сосны и Бог весть каким чудом занесенные сюда ольхи. Это – ског, необработанная девственная почва, нечто вроде русских степей, индийских джунглей или американских саванн. Здесь живут и множатся на свободе волки, лисицы, горностаи, рыси, белки, куницы, бобры; водятся тут и дичь: тетерев, снеговая и лесная курочка, белая куропатка, бекас, заяц, косуля, олень; дикие северные олени там буквально кишмя кишат. Медведей встречается тоже очень много, а полярных крыс такая масса, что когда они совершают нашествие на какую-нибудь местность, то не останавливаются решительно ни перед каким препятствием. Когда их дойдет холод и голод, они миллионами наводняют самые теплые местности Норвегии и Швеции, где их удастся остановить только огнем.

Невозможно изобразить пером фантастическую картину обширных равнин Скандинавии, три четверти года окутанных покровом тумана, в котором все предметы теряют всякую отчетливость форм и сливаются во что-то смутное, неопределенное. В длинные летние дни солнце почти не сходит с неба, а зимой почти не показывается; зато ночи постоянно светлы, и северное сияние придает им свойство производить какое-то особенно таинственное впечатление на душу.

В народных норвежских повериях и легендах отведено большое место привидениям и призракам. Особенно много страшных рассказов ходит именно о Розольфском мысе. Здесь, по народному поверию, в известное время года собираются злые духи моря и степи и в бурю, и в метель предаются дикой пляске. Никто в эту пору, отвечающую в действительности тому времени, когда весенние муссоны меняются на летние, не отважится посетить проклятое место. Немногие живущие там семейства считаются с давних пор состоящими в сношениях с нечистой силой, им приписывают способность вызывать духов, заклинать корабли, портить людей и животных. Их с ужасом чураются, хотя в то же время, в известных случаях, прибегают к их могуществу.

Эта страна с ее наивной верой во всякие таинственные ужасы, с ее смелыми рыболовами и мореходами, напоминает какой-то затерянный средневековый уголок. Тут не будешь, кажется, удивлен, если вдруг увидишь между скал широкие плоскодонные лодки древних скандинавов.

Розольфский фиорд, врезающийся в землю на двадцать миль, пользуется такой же дурной славой, как и мыс того же имени; ни одна норвежская лодка не решится туда заглянуть, ибо существует поверье, что еще ни одна из них, зайдя туда, не возвращалась назад.

Когда, огибая Розольфский мыс, рыболов случайно увидит таинственный фиорд, он спешит выйти в море, с ужасом осеняя себя крестом. В хижинах по вечерам, под завывание вьюги, рассказывают легенды одна другой страшнее о нечистом месте. В конце этого морского канала, среди унылой и бесплодной степи, стоит старинный замок, выстроенный в XI веке Эриком Биорном, одним из дружинников Роллона, отказавшимся за ним следовать, когда тот вздумал основаться в Нормандии.

Замок теперь в упадке, но прежде состоял из массивной центральной постройки, окруженной четырьмя толстыми башнями и обнесенной широким, глубоким рвом, через который можно было перейти только по подъемному мосту, напротив главного входа. Это был настоящий укрепленный замок, при толщине своих стен не боявшийся никакой осады в Средние века, когда еще не было изобретено огнестрельное оружие. Эрик два года выдерживал в нем

осаду против Гаральда, преемника Роллона, и норманский герцог ничего не мог с ним сделать. Осажденные постоянно получали провиант через длинный подземный ход, тянувшийся от замка на две мили к самому морю. Выход из подземелья был очень искусно скрыт в прибрежных утесах, так что незнающие не могли его отыскать.

Входящий в замок прежде всего вступал в обширный квадратный мощный двор, обстроенный кругом конюшнями, караулами, сараями, погребам и прочим; затем возвышались два этажа здания, причем первый этаж имел окна лишь во внутренний двор, да и окна второго были узкие и низкие, как раз такие, чтоб из них можно было видеть равнину. Наверху была терраса, по четырем сторонам обнесенная оградой и соединявшая между собой все четыре башни. Здесь обыкновенно сражались защитники замка, обливая осаждающих горячим маслом, смолой, бросая в них зажженные снопы и разные другие горючие вещества.

На сто миль кругом Розольфского замка, то есть дней на пять пути, тянулась обширная равнина, до того поросшая мхом и кустарником, что лошади вязли там по грудь и не могли идти. Благодаря такому удобному местоположению своих владений, Биорны во все продолжение Средних веков были независимы от норвежских герцогов и не согласились повиноваться им даже тогда, когда те приняли королевский титул. Все попытки покорить строптивых северных владетелей оканчивались неудачей. Биорны были суровые воины; в то время как все континентальное дворянство жило сухопутным грабежом, они, как, впрочем, и все норвежские вожди, занимались морским разбоем, рыская по морям и собирая десятину со всех встречных кораблей, а при малейшем сопротивлении овладевая и всем грузом. В Розольфскую бухту стекались богатства со всех концов света. Когда для сухопутного дворянства право грабежа было урегулировано под видом пошлин и оброков, морские дворяне продолжали гоняться за торговыми кораблями, насмехаясь над всеми международными постановлениями.

Биорны проявили особенную настойчивость в охране того, что считали своей привилегией, и уступили лишь после того, как Англия и Голландия, торговые интересы которых страдали больше всех от Розольфских норвежцев, организовали против них целый крестовый поход. В начале XVII века адмирал Рюйтер повесил Олафа Биорна с пятьюдесятью дружинниками, и викинги, как до сих пор именовали себя владельцы розольфские, отказались наконец от морских набегов, обратившись к рыбной ловле. Их флотилия, снаряженная и вооруженная для ловли китов, более полутора столетия бороздила Северное и Ледовитое моря, прославившись такой смелостью и энергией, что на бывших флибустьеров стали смотреть как на первых рыболовов севера. От этого нового занятия богатство Биорнов только еще более росло. Они сделались наследственными герцогами Норрланда и, продолжая по традиции оберегать свою независимость, держали себя с королями норвежскими чуть не на равной ноге. Еще во время знаменитой Кольмарской унии, отдавшей Швецию и Норвегию под власть Маргариты и Вольдемара Датских, Сверр Биорн формально протестовал на сейме против включения в унию Норрландской области, и этот протест сделался органическим статутном для всего рода Биорнов. Разумеется, это притязание герцогства Норрландского на формальную независимость осталось лишь историческим фактом, и власть Биорнов никогда не простиралась за пределы бесплодных степей, окружавших замок. Включая Розольфский фиорд, эти владения охватывали не более 500—600 жилищ, разбросанных по берегам фиордов, так как самый ског (степь) был совершенно необитаем ввиду множества водившихся там медведей, волков и других хищных зверей.

Современное могущество Биорнов основывалось на их неисчерпаемом богатстве. Семь или восемь веков пиратства и бережливости наполнили замковые погреба таким количеством золота и серебра, которые невозможно было оценить, хотя бы даже приблизительно. Поэтому государи трех королевств, когда попадали в стесненные обстоятельства, первым делом прибегали к щедрости Биорнов, никогда не получая отказа. Одолжив однажды королям какую-нибудь сумму, Биорны никогда уже потом не требовали долга назад.

Вот два примера того, как велико было богатство Биорнов.

В первый крестовый поход они вооружили и взяли на свое иждивение десять тысяч копейщиков, а когда св. Людовик попался в плен, предложили для выкупа царственного пленника сто тысяч золотых экю – сумму по тому времени громадную.

– От кого ты прислан? – спросил калиф у Гугофа Биорна, присланного с этим предложением.

– От викингов, – гордо отвечал посланник, напоминая этим древний титул своих предков, норманских вождей, современных Роллону.

В семействе Биорнов был один обычай, несогласный с общепринятыми дворянскими обычаями того времени. Снаряжением кораблей, рыбной ловлей и продажей продуктов в Гамбурге, Франкфурте и других ганзейских городах заведовали у них старшие члены семьи, тогда как младшие вступали на военную службу и поддерживали честь и достоинство рода при северных дворах. Как только какому-нибудь Биорну исполнялось шестнадцать лет, глава фамилии набирал ему полк и отправлял служить во Францию, Данию или Швецию. При вступлении на чью бы то ни было службу всякий Биорн получал генеральский чин – такая привилегия была выговорена издавна для представителей старинного герцогского рода.

Однако в конце XVIII столетия образ жизни Биорнов подвергся значительной перемене.

Всю свою рыболовную флотилию они вдруг продали гамбургским арматорам, по контракту обязавшись не заниматься больше никогда китоловлей, чтобы не делать конкуренции новым приобретателям. За собой Биорны оставили лишь несколько увеселительных кораблей, выстроенных в Венеции из самого дорогого дерева и снабженных всевозможным комфортом. Всего таких кораблей было у них пять – один быстроходнее другого. Сам по себе этот факт не удивил никого, так как все уже давно поражались тем, что такой старинный дворянский дом не пренебрегает заниматься торговлей, имея и без того громадные доходы, во много раз превосходящие бюджет королей Швеции и Норвегии. Поступок Биорнов можно было бы легко объяснить вошедшим в Европе, с легкой руки горделивого двора Людовика XIV, в моду дворянским презрением к торговле, если б не последовавшие затем некоторые события, наводившие на размышление. Дело в том, что вскоре после продажи Биорнского флота Олаф и Эдмунд Биорны, служившие во Франции контр-адмиралами, получили от своего отца Гаральда Биорна, прозванного Черным герцогом, приказание взять у короля бессрочный отпуск и немедленно вернуться в Розольфсе.

Молодые люди беспрекословно повиновались, рассчитывая дома узнать причину этого распоряжения, разрушавшего все их мечты о карьере и славе, но старый Гаральд только приласкал сыновей и поблагодарил за послушание, причины же своего неожиданного распоряжения не объяснил.

Черный герцог был человек суровый. Окружающим он внушал невольный трепет, поэтому молодые люди не осмелились обратиться к нему с вопросом сами. Младший их брат Эрик, пятнадцатилетний мальчик, тоже ничего не знал и мог сообщить братьям только то, что старый герцог в последнее время целые дни просиживает в лаборатории, устроенной в одной из башен замка. День и ночь в лаборатории топились печи, и из окон башен виднелся свет, придававший нечто фантастическое всему старинному зданию.

Лабораторию эту устроил в замке один из членов Биорнского рода, Сигурд, живший в XIV веке. Он родился на свет уродом, не способным ни к военной службе, ни к какой-либо другой физической деятельности. Поэтому он усердно занялся алхимией и разными секретными науками, приобщив к своим занятиям одного из своих племянников. С тех пор в семье вошло в обычай, чтобы младший в роде посвящал себя научным занятиям. Каждый из них обязательно излагал в рукописи результаты своих работ. В конце концов получилась огромная сумма чрезвычайно важных научных открытий, тайна которых ни разу не вышла за пределы розольфских стен. Это обстоятельство породило насчет замка всевозможные легенды, и

не было в окрестности ни одного человека, который бы решился утверждать, что Биорны не занимаются колдовством.

Гаральд был младшим членом рода и воспитывался среди реторт и колб, как вдруг старшие братья его были случайно убиты на охоте в скоге и он неожиданно для себя сделался главою фамилии. Приняв в свои руки управление делами, он забросил свои научные занятия, но потом, вследствие одного события, с которым мы позднее познакомим читателей, снова принялся за них и даже пожертвовал ради этого выгодами торговли и карьерою своих сыновей.

Тщетно Олаф и Эдмунд ломали голову над загадкой – ничего у них не выходило. Особенно интриговало их то обстоятельство, что возвращение отца к занятиям в лаборатории совпало как раз с посещением замка каким-то таинственным незнакомцем, который вскоре исчез, проведя в замке только одну ночь. Ничего не придумав, молодые люди перестали наконец заниматься этим вопросом и решили терпеливо ожидать, когда случай или воля отца откроют им тайну.

Глава VIII. Мщение Гаральда

Для молодых людей – двадцатитрехлетнего Олафа и двадцатипятилетнего Эдмунда – потянулась праздная скучная жизнь. В конце концов они пристрастились к охоте, которая осталась для них единственным развлечением. Они воспитаны были в таком страхе и повиновении отцу, что им и в голову не приходило роптать на распоряжение Черного герцога.

Последний, впрочем, предоставил сыновьям полную свободу при единственном условии – ни под каким видом не переступать за черту Розольфского поместья; но так как обширный ског, принадлежащий поместью, тянулся кругом миль на шестьдесят или восемьдесят, то молодым людям было где развернуть свою удаль.

В сопровождении своего младшего брата Эрика и двух служителей-дядек, которые не покидали их с самого детства, Гуттора и Грундвига, они нередко целые недели проводили в степи, гоняясь за медведями и волками и всякий раз возвращаясь в замок с обильными трофеями, что вызывало на бледных губах старого Гаральда улыбку гордости.

– Хорошо, сынки мои, очень хорошо, – говаривал он. – Сейчас видно, что в ваших жилах течет кровь норманских вождей. Недаром вы королевского происхождения.

Сумрачный владелец замка обменивался при этом всякий раз многозначительным взглядом с Гуттором и Грундвигом, но молодые люди обыкновенно не замечали этого, а если б заметили, то, конечно, догадались бы о существовании какой-то тайны между герцогом и обоими дядьками его сыновей.

Гаральд не лгал и не ошибался, приписывая себе королевское происхождение.

По избранию сейма, два Биорна последовательно занимали шведский трон в 802 и в 935 годах и очень возможно, что этот сан, в те времена довольно-таки шаткий, гораздо чаще доставался бы роду герцогов Норрландских, если б они не предпочитали ему карьеру викингов, довольствуясь лишь тем, что держали себя с королями на равной ноге.

Покуда шведский трон занимали потомки древних скандинавских вождей – Ивардов, Сигурдов, Стенкиллея, Свеккеров, Фолькунгов, Ваза, Биорны заботились лишь о сохранении своей традиционной независимости. Но когда на престол был приглашен голштинский принц Адольф-Фридрих, Биорны заявили громкий протест и объявили, что в свое время они еще поговорят об этом и предъявят свои права на престол. Сделавшись главою фамилии, Черный герцог возобновил этот протест, на который, впрочем, все взглянули как на простое с его стороны желание дать себе историческое удовлетворение. Не желая, чтобы сыновья служили при дворе «узурпатора», он отправил их на службу в Россию и во Францию, но, как мы уже видели, скоро вызвал их обратно.

У Гаральда был брат Магнус, моложе его лет на двадцать, никогда не вмешивавшийся ни в какие семейные дела, а занимавшийся со страстью мореплаванием и географией. С шестнадцати лет он совершал почти непрерывные путешествия вокруг света на превосходном бриге в восемьсот тонн, нарочно для него поставленном по приказанию его отца. Уехав в первое плавание, Магнус с тех пор очень редко и лишь на короткие сроки возвращался в родовой замок. Ему не сиделось дома: море, любимая его стихия, постоянно тянуло его к себе.

Всякий раз Магнус возвращался домой с новыми коллекциями оружия и всяких редкостей, составляя себе постепенно настоящий богатый музей.

Четыре башни замка были построены таким образом, что соответствовали четырем странам света. Южную башню Магнус выбрал для своего музея и разместил в ней свои драгоценные коллекции. Они составлялись не только из того, что он сам во время своих путешествий собрал ценою труда и золота, но и из того, что в течение многих веков было награблено его пиратами-предками.

Несколько лет тому назад Магнус уехал в какую-то далекую, никому не ведомую экспедицию, и с тех пор о нем не было ни слуху, ни духу. В Розольфсе пришли к тому убеждению, что он погиб со всем экипажем от какой-нибудь бури, застигшей его у берегов Азии, так как последнее письмо от него получено было из Батавии.

Магнус был не единственным членом рода Биорнов, пропавшим без вести. У Гаральда Биорна еще пропал пятилетний сын Фредерик, старший брат Олафа и Эдмунда, и пропал вот при каких обстоятельствах.

При рождении каждого ребенка мужского пола в семействе Биорнов был обычай представлять к новорожденному кого-нибудь из сыновей герцогских крепостных, так что этот мальчик становился товарищем детских игр молодого Биорна, его пестуном и дядькой. Крепостной мальчик, к тому времени, как молодой его барчонок был еще ребенком, становился обыкновенно уже юношей и оставался на всю жизнь его любимым слугой.

Когда родился Фредерик, в замке был в числе прислуги двенадцатилетний паренек, сын герцогского камердинера, по имени Надод, или попросту Над. Герцог выбрал этого мальчика в дядьки своему сыну. Над был мальчик умный, но с самыми дурными наклонностями: жестокий, завистливый, хитрый, с юных лет приучившийся скрывать свои пороки. Отец воспитывал его строго, и потому Над превосходно выучился притворяться, наружно ведя себя самым примерным образом, так что его, бывало, постоянно ставили в пример прочей крепостной прислуге.

В том возрасте, когда люди обыкновенно думают лишь об играх да удовольствиях, Над уже составлял себе планы о том, как он воспользуется доверием к нему молодого барина, подговорит его украсть из кладовой замка большую сумму денег и убежит с ней куда-нибудь далеко, потом пустит эти деньги в оборот и разбогатеет.

Над не был красив, но лицо его было замечательно своим энергичным и умным выражением; у пятнадцатилетнего мальчика голова была характерно развита, как у большого; большие, глубокие, зеленоватые глаза, широкий, хотя довольно низкий лоб, крупный нос с широкими ноздрями, крупные губы, сильные челюсти, густые рыжие волосы, ниспадавшие по плечам, словно грива, придавали внешности Нада что-то даже приятное, некую добродушную силы, которая кротка и податлива, когда спокойна, но ужасна и свирепа, когда ее разбудят и раздражат.

Ко всему этому Надод обладал атлетической силой.

Маленького Фредерика он возненавидел с первого же дня, не будучи в силах свыкнуться с мыслью, что ему, Надоду, весь свой век придется прожить в рабстве.

Ребенку пошел пятый год, когда Надод однажды отправился с своим барчоном на берег и сел с ним в лодку, чтобы покатасть его по фиорду. Биорны с детства приучались к морю, как и их предки викинги. У выхода из фиорда Надоду встретился чей-то иностранный корабль. Юношу спросили, кто он и откуда. Надодом овладел ложный стыд за свое подневольное положение, и он, сам не зная как, начал врать небылицы, выдумал целый роман о том, как они с братом остались сиротами и с трудом находят себе пропитание, потому что рыбы мало, да и для той почти нет сбыта в здешних местах... Одним словом, он наскзал таких турусов, и так чувствительно, трогательно, что капитан разжалобился и предложил Надоду взять его брата на свое попечение.

В припадке безумия, порожденного затаенною ненавистью, Надод согласился и отдал ребенка...

Когда он опомнился, было уже поздно: неизвестный корабль вышел в море, увозя юную отрасль Биорновского рода. Три дня после того Над плавал по фиорду, не смея вернуться в замок. Наконец его отыскали и привели в замок, где он с плачем и всеми знаками глубокого горя рассказал, как мальчик наклонился из лодки, упал в море и утонул.

Гаральд души не чаял в сыне, и месть его была ужасна. Надода приговорили к сотне палочных ударов, а выполнение приговора было поручено Гуттору и Грундвигу.

Такое наказание для мальчика равнялось смертной казни. Доверенные слуги Гаральда привязали голого Надода к скамье и принялись мерно бить его толстыми дубинками, остановившись лишь на сотом ударе.

Перед ними на скамье лежала бесформенная, окровавленная масса, которую и отдали Надодовой матери...

Мальчишка еще был жив, еще дышал. Чудеса материнской заботливости и любви отвоевали его у смерти; после ужасных страданий в течение полугода несчастный стал поправляться и подавать надежду на полное выздоровление, перенеся, однако, тяжелое воспаление мозга.

А гораздо лучше было бы для него умереть. Служители били его как попало, не глядя, куда бьют, – били по голове, по лицу, испортили ему нос, расшибли челюсть, выбили из орбиты левый глаз, который в таком положении остался навсегда. Одним словом, Надод превратился в урода, безобразие которого отталкивало всякого, на всякого наводило ужас.

Когда Надод в первый раз после болезни взглянул на себя в зеркало, он вскрикнул от ужаса и злобы, понимая, что на всю жизнь останется отвратительным страшилищем.

Да, он уже никогда не мог избавиться от этого огромного, выкатившегося, окровавленного глаза!.. В припадке необузданного гнева он схватил нож и хотел перерезать нервы, еще удерживавшие этот глаз, но мать остановила его и упростила не делать этого.

– Ты совершенно права, – согласился он, успокоясь немного. – Пусть этот глаз останется у меня до тех пор, пока я не истреблю последнего из Биорнов. Даю в этом клятву – и исполню ее!

Как только Надод выздоровел, он сейчас же покинул родину и после не давал о себе вестей никому, даже матери. О нем не было ни слуху, ни духу, и все в замке думали, что Фредерик действительно утонул. Так как море не выбрасывало его труп, было решено, что его съели рыбы.

Был один признак, по которому Фредерика можно было всегда найти, хотя это едва ли могло случиться ввиду всеобщей веры в факт его смерти.

С незапамятных времен в семействе Биорнов существовал старый обычай, легко объяснимый тем авантюристским образом жизни, который был свойствен всем Биорнам. При рождении каждого мальчика отец раскаленной печатью делал ему на груди клеймо в виде норрландского герба. На свете не было ни одного Биорна без этого знака, отсутствие которого равнялось бы непризнанию ребенка законным.

Куда неизвестный корабль увез ребенка, отданного Надодом? В какую общественную среду попал мальчик? Родных его, очевидно, никто не заботился отыскивать, зная из слов Надода, что они простые рыбаки. Что касается старшего брата мальчика, то Фредерик, придя в возраст, очень понятно, не интересовался им ввиду бессердечия, с которым тот отдал братишку чужим людям.

С того времени до начала нашего рассказа прошло двадцать два года, и хотя все возможно в нашем подлунном мире, однако до сих пор не случилось ничего такого, что могло бы дать путеводную нить человеку, который принялся бы за расследование действительной участи старшего сына Гаральда Биорна.

Негодяй, сбывший мальчика, сам успел заметить тогда лишь одно то, что корабль, очевидно, принадлежал какому-нибудь богачу, разъезжавшему для собственного удовольствия, так как он весь был построен из тикового и палисандрового дерева. Вдоль обшивки над бортом была резьба, а на корме стояла прекрасная бронзовая статуя женщины, державшей в руках лебедя. Над головой у женщины – это тоже заметил с удивлением молодой слуга – видны были четыре буквы, означавшие, очевидно, имя корабля. Однако, не умея читать, Надод не разобрал, какие это буквы.

Принимая в соображение господствовавшую в то время моду на все мифологическое, затем статую с лебедем и четыре буквы, мы полагаем, что не будет ошибки предположить, что статуя изображала «Леду», и что таково же было имя корабля. Впрочем, это открытие имело бы большую цену, будь оно сделано вскоре после того, как корабль посетил розольфские воды, но через двадцать два года оно, конечно, уже не может иметь никакой цены.

Каково бы ни было общественное положение, в котором оказался впоследствии Фредерик, важно то, что ему не суждено было ни в каком случае вернуться в недра родной своей семьи, о которой он, за тогдашним своим малолетством, не мог сохранить никакого воспоминания.

В часовне замка ему поставили надгробный памятник рядом с монументами предков. Старый Гаральд, не чаявший в своем первенце души, никогда не мог утешиться в его смерти и часто приходил плакать над маленьким мавзолеем.

У Гаральда Биорна была еще дочь Елена, выданная замуж за графа Горна, командовавшего дворянским гвардейским полком в Стокгольме и бывшего таким образом одним из первых персон в шведском королевстве.

Таковы были последние представители старинного рода герцогов Норрландских, дружинников Роллона и Сигурда, давших Швеции двух королей.

Этот род был единственною уцелевшей герцогской фамилией, выводившей свой род от Одина и Сканды, вождей индо-скандинавской эмиграции. Биорны сохранили свою независимость до конца XVIII века, то есть до тех пор, пока не погиб последний представитель их рода, что случилось при обстоятельствах в высшей степени драматических и таинственных.

В самом деле, весьма любопытна судьба этих молодых людей, которые, едва не добившись установления в Швеции древней династии Биорнов, погибли в льдах Северного полюса, как будто последним представителям этой могучей расы было мало обыкновенного савана, а понадобился огромный саван вечного снега.

Эти события и составляют предмет нашего рассказа. Они очень похожи на легенду, а между тем состоят из исторических фактов, относящихся не далее как к концу прошедшего века.

Глава IX. Таинственный незнакомец

В тот вечер, когда «Ральф» так упорно боролся с разъяренным морем, грозившим его поглотить среди опасных рифов норвежского берега, буря свирепствовала и на суше, хотя и не с такой яростью.

Незадолго до заката солнца пожилой человек лет шестидесяти, с гордым, барским лицом, с манерами человека, привыкшего повелевать, вышел из Розольфского замка на опущенный для него подъемный мост.

На старике был надет черный бархатный камзол и короткие, бархатные же, панталоны. Тонкие нервные ноги его были обтянуты шелковыми чулками модного в то время цвета испанского табака и обуты в низкие, открытые башмаки. Костюм дополняла шапочка из меха чернобурой лисицы с ярко сверкавшим бриллиантом с голубиное яйцо величиною и ценностью миллиона в два ливров, а сбоку висел, как знак высокого сана, короткий и широкий норвежский меч, рукоять которого была осыпана драгоценными камнями.

Этот старик, одетый с такой пышною простотою, был некто иной, как Гаральд XIV, герцог Норрландский, глава Биорнского рода. С тревогой посмотрев на погоду, он приложил к губам золотой свисток, висевший на такой же цепочке, прикрепленной к пуговице камзола, и резко свистнул. Свист этот гулко повторили сумрачные своды замка.

Почти моментально появился слуга.

– Где мои сыновья, Грундвиг? – спросил владелец замка. – В такую погоду, в такой сильный ветер неужели они плавают по морю? Не может быть!..

– Ваша светлость, – залепетал слуга, – разумеется, они не позволят... я полагаю, что нет... впрочем, припоминаю, они изволили отбыть в ског на оленью охоту.

– Нескладно рассказываешь, Грундвиг: путаницу несешь, – строго заметил герцог. – Сказывай правду: где молодые господа?

– Ваше высочество! Надо полагать, они меня провели, намекнув, что едут в ског охотиться, потому что «Сусанны» нет в фиорде.

– Ах, они безумцы, безумцы!.. Вечно в море, во всякую погоду! Уж проглотит оно их когда-нибудь, как проглотило их дядю Магнуса.

– Моих советов они не изволят слушать, – с горечью произнес старый слуга, – и лишь сторонятся меня все больше и больше. Бывало, ни шагу без меня не делали, а теперь говорят, что для мореплавания я слишком стар...

Верный Грундвиг смахнул наворачнувшуюся слезу и продолжал с усилием.

– Умоляю вас, ваша светлость, не поручайте мне больше руководить ими. Мне с ними не справиться. Извольте сами посудить: погода ужасная, Мальстрем, наверное, развоевался, а они в море – и я не с ними, не могу помочь им своею опытностью. Если с ними случится беда, я не переживу... О, ваша светлость! Ради самого Бога запретите вы им сами так шутить с опасностью... Когда я не буду мешать им своими советами, они станут обращаться со мной по-прежнему, и я буду сопровождать их всюду, как Гуттор... Счастливцев!

Грундвиг мог сколько угодно говорить в этом тоне: герцог все равно не обращал внимания на жалобы своего старого слуги, горе которого было тем сильнее, что он завидовал своему товарищу Гуттору. Оба они не расставались с молодыми барчатами с самой их колыбели и были очень любимы ими. Когда молодые люди были на службе во Франции, Гуттор и Грундвиг находились безотлучно при них.

С некоторых пор Гаральд приказал Грундвигу наблюдать за Эдмундом и Олафом, чтобы они не подвергали себя так часто опасности. Молодым людям это не понравилось. Почтительные увещания Грундвига надоели им, и они стали скрывать от него свои поездки по морю в дурную погоду. Гуттор, напротив, постоянно был с ними.

Покуда Грундвиг произносил свои жалобы, старый герцог бормотал про себя с гордостью.

– Да, сейчас видно потомков древних викингов, которые царствовали здесь много веков. С ними случится лишь то, что угодно Богу: никто своей судьбы не избежит...

Последние слова Грундвига он, однако, расслышал.

– Я не могу, – возразил он, – запретить моим сыновьям эти поездки по морю, потому что если я приказываю, то всякий должен повиноваться. – При этих словах лицо герцога приняло суровое выражение.

– Да и, наконец, я вовсе не против того, чтобы они упражняли в себе энергию духа и тела: ничто так не закаляет человека, как борьба с морем. Мне бы только хотелось, чтобы они вели себя поосторожнее и без надобности не рисковали бы жизнью... Тебе, Грундвиг, мои планы известны; ты знаешь, какую роль призваны играть эти благородные принцы. Приближается время, когда от них потребуются и смелость, и энергия. Мне именно и хотелось всегда, чтобы эти качества в них как можно больше развивались. Поэтому я возвращаю тебе свободу действий.

Сопровождай их всюду – и в море, и в степь, руководи ими, умеряй их пыл и постарайся, чтобы семье нашей не пришлось опять надеть траур. Помимо той высокой участи, которая их ожидает, помни, что отец их двадцать два года оплакивает своего малютку сына и не перенесет новой потери.

– Никогда я не верил в смерть вашего сына, ваша светлость, – возразил Грундвиг, качая головой.

– Ты опять за старые бредни?

– Нет, ваша светлость, это не бредни... Надод плавал, как рыба, в тот день море было совершенно спокойно. Никогда бы не дал он дитяти утонуть и уж, во всяком случае, выловил бы его труп. Извольте также припомнить, что у входа в фиорд видели тогда какой-то чужой корабль.

– Ну да, я знаю, ты ведь сочинил по этому поводу целый роман. Но я помню только, что Нада допрашивали и его родители, и я сам. Ему было обещано прощение и даже огромная награда, а между тем он твердил свое: мальчик упал в воду и пошел ко дну, я не успел его поймать. Почему бы ему не сказать правду?.. Может быть, я наказал его слишком строго, но ведь ему запрещено было брать Фредерика в море... Я и мать чуть с ума не сошли тогда от горя... Не будем больше об этом говорить, Грундвиг: старая рана и до сих пор у меня не зажила и болит при малейшем прикосновении.

– Извините меня, ваша светлость, но я никогда не перестану так думать – до самой смерти. Вот уже двадцать два года я ищу по всему свету, ищу всякий раз, когда получаю от вашей светлости отпуск, и буду это делать до последнего вздоха. Верьте мне, ваша светлость, это последнее мое слово, и я, из уважения к вам, никогда больше говорить не буду, но я убежден, что Надод отправился за наградой, потому что многим было выгодно уничтожить мужское потомство герцогов Норрландских. Разве теперяшняя шведская династия может забыть, что вы происходите от древних королей и что на сейме голштинская партия одержала верх над биорнской всего только большинством пяти голосов?.. Нет, ваша светлость, как вам угодно, но мальчика украли и воспитали где-нибудь в низкой доле, надеясь, что его никогда не отыщут... Но только ведь у него есть на груди ваш биорнский знак...

– Если бы твои предположения были хоть сколько-нибудь основательны, – перебил герцог, – то ведь и после того, наверное, делались бы попытки украсть и прочих моих сыновей...

– А вы разве уверены, ваша светлость, что таких попыток не было?

– Ты что-нибудь знаешь такое, чего мне не говорил, – сказал герцог, вдруг побледнев, как мертвец.

– Спросите, сударь, у Гуттора, – отвечал зловещим тоном слуга. – Вода фиорда не возвращает шпионов, которых в нее бросают.

Герцог вздрогнул.

Тем временем буря усилилась. Сделалось еще темнее. Ночь наступила окончательно. Вдали слышен был рев моря.

– Какая ужасная ночь! – вздохнул герцог. – Как только вспомню, что они отправились на самом легком из наших кораблей!..

– Это очень хорошо, ваша светлость, что на самом легком, – заметил Грундвиг. – «Сусанна», как пробка, может легко взлететь на самую высокую волну и безопасно спуститься. Кроме того, ваша светлость, не извольте думать, что ваши сыновья пустятся в плавание при такой погоде: они слишком для этого хорошие моряки. Наверное, они укрылись в каком-нибудь фиорде.

– Дай Бог, Грундвиг, дай-то Бог!

Вдруг Черный герцог вздрогнул: ему послышался вдали как бы слабый звук рога.

Что это такое? Сигнал или просьба о помощи?

Герцог прислушался. Тот же звук послышался опять несколько раз, но хорошо слышать еще нельзя было.

– Это, должно быть, пастух, сзывающий рассеянное бурей стадо, – заметил Грундвиг.

– Нет, вернее, это кто-нибудь погибает в скоге, – возразил герцог, подумав несколько минут. – Слышишь, звук не делается ни тише, ни громче. Это значит, что кто-то не решается идти ни вперед, ни назад.

Вдруг раздался выстрел, за ним сейчас же другой. Потом все стихло.

На этот раз сомневаться было нельзя. Очевидно, в степи кто-то погибал и звал отчаянно на помощь.

– Скорее на коня, Грундвиг! Вели Гуттору взять четверых вооруженных людей и ехать с нами.

Меньше чем через три минуты Гаральд и его свита, пригнувшись к шеям своих коней, чтобы представлять как можно меньше сопротивления ветру, мчались в ту сторону, откуда слышались сигналы.

Ночь была так темна, что впереди ничего нельзя было разглядеть, и только благодаря привычным к степи лошадям всадники могли совершить подобную экспедицию. Благородные кони, воспитанные в приволье скога, быстро неслись по густой степной траве, как по самой гладкой дороге.

Всадники вскоре услышали радостный крик и увидели высокого человека, который стоял возле своей лошади и тщетно старался успокоить ее, так как она испуганно билась.

Грундвиг сейчас же узнал того таинственного незнакомца, который в последнее время несколько раз появлялся на короткое время в Розольфсе.

Увидав его, Черный герцог сделал ему чуть заметный знак и, быстро повернувшись к свите, произнес своим отрывистым, повелительным голосом:

– Гуттор, поезжай домой со своими людьми. Мне вы больше не нужны.

Конвой моментально повернул коней и скрылся в ночной темноте.

– Черт возьми! – сказал незнакомец, узнав Гаральда и Грундвига. – Вы успели очень кстати, хотя чуть-чуть не опоздали... Вот, посмотрите.

При свете фонаря, который они с собой захватили, Гаральд и Грундвиг увидели в нескольких шагах от себя громаднейший экземпляр пещерного медведя, которые изредка попадают в Северной Норвегии и Швеции до сих пор. Он лежал в луже дымящейся крови и, очевидно, только что издох.

– Ловкий удар! – сказал Гаральд, рассматривая кинжал, вонзенный по самую рукоятку в грудь зверя. – Вы счастливо отделались: ведь эти медведи необыкновенно свирепы и сильны.

– Я рассчитывал приехать в замок еще засветло, – продолжал незнакомец, – но меня застигла буря, и я заблудился в степи, время от времени подавая сигналы рогом в надежде,

что из замка их услышат. Вдруг лошадь моя остановилась и, как я ее ни понукал, ни за что не хотела идти. В темноте я услышал глухое рычание и понял, в чем дело. Момента́льно я спрыгнул на землю, зажав в руке свой широкий норвежский кинжал. Увидав прямо перед собой темную массу, я отпрыгнул в сторону и всадил медведю кинжал в самую грудь. Зверь упал, и я добил его двумя выстрелами из пистолета.

– Узнаю молодца Анкарстрема!

– По совести говоря, герцог, я не заслуживаю похвалы. Ведь что же мне было больше делать? Отступать нельзя было, приходилось защищать свою жизнь волей-неволей. Мне даже раздумывать не было времени: все кончилось в какие-нибудь две секунды.

– Вот этому-то хладнокровию и этой находчивости я и радуюсь в тебе, Анкарстрем. Ты человек незаменимый... Какие новости ты мне привез?

– Очень важные, герцог... Можно ли говорить?

– В степи никого нет, услышать некому.

– Но мы не одни.

– Это мой верный Грундвиг. От него у меня секретов нет.

– Мера переполнилась, герцог. Время действовать наступило. Народ изнемог под тяжестью налогов и не хочет их платить. Не довольствуясь попранием дворянских привилегий, Немец, занимающий трон Биорнов и Ваза, распустил дворянский гвардейский полк, которым командовал ваш зять граф Горн. До той минуты граф был в числе нерешительных, но теперь примкнул к национальной лиге.

– Не может быть!

– Я вам привез доказательство.

– А как армия?

– Армия ждет только сигнала...

– Ваша светлость, – вмешался Грундвиг, – не разговаривайте здесь, послушайтесь старого слуги! Есть вещи, которых не следует доверять даже ветру, дующему в степи. Вспомните Сверра и Эйстена, умерших на эшафоте... Вспомните вашего родителя, павшего под ножом неизвестного убийцы!

– Ну, кто отважится прийти в ског в такую ночь? – отвечал Черный герцог. – Слышишь, какой вой там вдали? Это волки. Они растерзают всякого шпиона, который осмелится забраться в ског. Они – самые надежные охранители Розольфского замка.

– Это верно, ваша светлость, но я сегодня ночью слышал какие-то странные звуки... Да вот, извольте прислушаться сами.

Со стороны моря послышался какой-то жалобный крик.

– Изволили слышать? – спросил, понизив голос, Грундвиг.

– Так вот какие звуки тебя беспокоят, Грундвиг! Крик белой совы!

Едва герцог произнес эти слова, как другой такой же крик, словно в ответ первому, раздался вдали откуда-то слева.

– Это довольно странно, – задумчиво произнес Гаральд.

– Тем страннее, ваша светлость, что белая сова летом летает от нас в Лапландию.

– Есть над чем думать! – продолжал, помолчав немного, герцог. – Это какая-нибудь запоздавшая пара. Вот они и перекликаются ночью... Во всяком случае, нам нужно вернуться домой: я горю нетерпением узнать поскорей новости. Отложим, Анкарстрем, разговор до более удобного момента. В стенах замка можно будет говорить уже вполне безопасно: оттуда ничто не выйдет наружу.

– Так-то лучше, ваша светлость, – сказал Анкарстрем и прибавил, понизив голос: – Немец догадывается, что недовольные вспомнили о Биорнах, и потому нет ничего мудреного, если он разослал всюду шпионов. Негодяй Гинго, его друг и наперсник, организовал их целую армию. Я вам советую, герцог, быть осторожнее.

– На коней! – сказал Гаральд, сознавая справедливость всех этих доводов. Едемте домой.

Действительно, несмотря на малую вероятность того, что посторонние люди могли забраться в ског, все-таки лучше было пока не продолжать этого важного разговора.

Между тем буря дошла до самого сильного разгара. Ветер проносился по степи с такою силою, что всадники вынуждены были крепко прислоняться к лошадям, чтобы не быть опрокинутыми наземь.

– В такую погоду – и вдруг мои сыновья в море! – сказал Гаральд.

– Может ли это быть, ваша светлость?

– Ах, Анкарстрем, ты их еще не знаешь, но завтра я тебя с ними познакомлю. Им любо среди бушующих волн и рева бури; настоящие викинги...

Тут герцогу вспомнился страх своего доверенного слуги, он рассмеялся и сказал:

– Едемте же, едемте скорее, а то мой храбрый Грундвиг боится сов.

– Господин мой! – мрачно возразил Грундвиг. – Тридцать пять лет тому назад была точно такая же ночь и точно также у меня было предчувствие, что в скоге происходят странные вещи. Так же точно кричали зловещие птицы... Ваш родитель, благородный герцог Эрик, не послушал меня тогда и уехал на охоту, а домой его привезли пронзенного семью кинжалами.

– Это правда, – печальным тоном произнес Черный герцог, – и смерть его еще не отмщена, несмотря на данную мною клятву.

Глава X. Трумп и Торнвальд

Три всадника стрелой полетели в замок Розольфсе.

Дорогой они почти не разговаривали между собой, но, приближаясь к замку, старый герцог все-таки не утерпел и, наклонясь к скакавшему рядом с ним Анкарстрему, сказал тихим голосом:

– Я опять принялся за свое старинное занятие, и недавно мне удалось открыть то, чего в шутку просил у меня мой зять граф Горн.

– А чего он у вас просил?.. Беззвучного пороха и безударного пистолета?.. Да?

– Вот именно.

– И вы изобрели такой порох и такой пистолет?

– Да.

– Ну, теперь, Немец, берегись!

– Я думал, что заговорщики удовольствуются его отречением.

– Нет. Слишком уж много крови им пролито.

– Послушай, неужели ты?

– Да, мне достался жребий!..

Положив руку на круп Гаральдовой лошади, гигант Анкарстрем наклонился к самому уху герцога и шепотом продолжал:

– Дни Немца сочтены. В насмешку над дворянством он через две недели дает костюмированный бал-маскарад, на который приказано явиться всем дворянам. Графу Горну будет одному известен тот костюм, в который нарядится король. Граф укажет мне на него тем, что подойдет к королю и скажет: «Здравствуй, прекрасная маска!» После этих слов Немец падет мертвый.

– Убийство! – с отвращением прошептал Гаральд и вздрогнул.

– А вашего отца разве не убили, не заманили в гнусную западню? Разве кровь нашего лучшего дворянства не вопиет к небу о мщении?

Точно сговорившись, герцог и Анкарстрем задержали своих коней и поехали тише.

– Я сомневаюсь, чтобы мои сыновья согласились принять участие в заговоре, имеющем целью...

– Тише, ради Бога! – вскричал Грундвиг, все время бывший настороже.

Словно в подтверждение его опасений шагах в двадцати от всадников снова раздался где-то в темноте крик белого филина. Черный герцог невольно вздрогнул. Теперь и ему самому показался странным этот крик зловещей птицы полярных ночей.

– О, чтоб тебе черт шею свернул, проклятая птица! – выбранился Анкарстрем.

– Это не птица, – пробурчал Грундвиг, которого невозможно было разубедить в том, что он однажды вбил себе в голову.

И, не дожидаясь приказа, старый слуга громко затрубил в рог, давая знать в замок о прибытии своего господина.

До замка было уже недалеко. Всадники отдали поводья своим коням, и кони, подстрекаемые утренним холодком, живо умчались в Розольфсе.

Едва успел снова подняться, пропустив приезжих, опускающей мост, как из кустов, группами разбросанных по долине, выскочили какие-то два человека и со всех ног побежали к берегу моря.

– Какая неосторожность, – сказал один из них. – А Сборг еще особенно наказывал нам не делать ничего такого, что могло бы возбудить подозрение в жителях замка.

– Ну, вот! Мне только хотелось поинтриговать этого старого плута Грундвига, – отвечал другой. – И это мне, ты сам видел, удалось.

– Да, удалось... навести его на наш след. И добро бы ты не знал, что это за человек! С ним шутить опасно... Впрочем, что ж? Я тут ни при чем и умываю руки, но предупреждаю тебя, что если дело примет другой оборот, то уж ведайся с разгневанным Сборгом сам, как знаешь.

– Честное слово, дружище Трумп. Ты слишком все преувеличиваешь. Поверь, ничего из этой шутки не выйдет... К тому же мы несем Сборгу такие интересные вести, что он не прогневается на нас за небольшие отступления от его приказа. Да, наконец, все отлично умеют подражать крику белого филина, перья которого очень ценятся, так как идут для офицерских плюмажей. Поэтому Грундвиг самое большое может заподозрить, что какие-нибудь неизвестные охотники охотились в скоге на белых филинов и, чтобы приманить их, подражали их крику. Видно, что ты не здешний житель, иначе это было бы тебе известно.

– Ну, да уж ладно, ладно... У тебя на все найдется ответ, Торнвальд.

– Да наконец, – кто знает? – быть может, твой Сборг утонул нынче ночью вместе с проклятым капитаном Вельзевулом.

– Ты все балагуришь, Торнвальд. Смотри, не накличь этим беды на себя!

– Это только значит, Трумп, что у меня веселый характер. Проживи ты с мое – и сам убедишься, что в жизни ни к чему не стоит относиться серьезно. Это и почтенный Пеггам говорит... Шестьдесят уж лет подряд он ворует, грабит, режет, душит – и все с улыбочкой да со смешком... Ты у нас еще новобранец, Трумп, потому тебя и прикомандировали ко мне, травленому волку, учиться уму-разуму. Чтобы научиться работать как следует, тебе придется расстаться со многими иллюзиями. Знай, во-первых, вот что: всякий, вступающий в общество «Грабителей морей», должен каждую минуту быть готовым ко всяким мукам и ко всякому роду смерти. Всеми этими любезностями грозят тебе люди, не разделяющие образа мыслей нашего уважаемого товарищества и не одобряющие его поступков. Быть ко всему готовым – самое лучшее средство беспечально пройти долину слез, как называет земную жизнь все тот же почтенный Пеггам... Все это, Трумп, я говорю тебе в назидание. Знай также, что я вовсе не шутил, когда говорил, что Сборга, нашего знаменитого начальника, мы, быть может, уже не увидим. Ты не моряк и не понимаешь всей силы того урагана, который бушевал нынешней ночью, да и теперь еще не совсем утих. Если буря подхватила «Ральфа» и унесла в Мальстрем, что весьма вероятно, то никакая сила не могла спасти тех, кто был в это время на бриге.

– Ты меня пугаешь.

– Нечего пугаться, – продолжал старый бандит. – Вся жизнь состоит из счастливых и несчастных случайностей. Впрочем, если случится так, как я говорил, то я приду к окончательному убеждению, что замок Розольфсе охраняют какие-то странные чары. Ведь это будет уже третья неудавшаяся экспедиция против миллионов, спрятанных в замковых погребках. Почтенный Пеггам способен будет, пожалуй, умереть от огорчения: он до такой степени был уверен в успехе, что даже посадил на «Ральфа» своего доверенного человека, желая оградить свою долю добычи от захвата со стороны прочих товарищей.

– Как! Этот старый болван Ольдгам, воображающий, что его везут в Океанию!.. Неужели ты про него говоришь?

– Про него самого.

– А я думал, что капитан Ингольф случайно похитил его, чтобы привести в порядок счетоводство на бриге.

– Капитан и сам так думает, но эту мысль ему внушил Красноглазый по уговору с Пеггамом, и почтенный Ольдгам, нарочно посланный своим хозяином, очутился как раз на том берегу, где его подстерегал Ингольф. У старого нотариуса были, кроме того, еще и другие причины сплавить этого дурака, который, разумеется, никогда больше не увидит ни родины, ни семьи. Пеггам подозревает, что его клерк был свидетелем одного совершенного им несколько лет назад отчаянного преступления. Хотя Ольдгам до сих пор ничем не обнаруживал, что он

что-нибудь знает, однако нотариус, из предосторожности, решил на всякий случай упрятать его подальше.

– Из-за чего так хлопочет старый злодей? Ведь у него и без этого преступления много других черных дел на душе... Не все ли равно – одним больше, одним меньше?

– Это верно, но ведь Пеггам, собственно говоря, не замешан прямо ни в одном из дел товарищества «Грабителей». Он всегда действовал так ловко, что под него нельзя было подточить иголки. Разве только Красноглазый, наш Сборг, мог бы, пожалуй, вывести его на чистую воду, да и то вряд ли. В Англии он пользуется репутацией безукоризненного человека.

– Вот это очень странно.

– Подожди, увидишь и не такие странности... Но сегодня я ничего тебе не могу больше сказать. Впоследствии я расскажу тебе о таких делах, что у самого храброго волосы станут дыбом... Для меня это вопрос жизни и смерти. Мы находимся в руках общества, девиз которого – повинуйся и молчи. Если узнают, что я тебе рассказал даже это небольшое – я пропал. Помни это... Итак, заданное нам дело исполнено. Все наши молодцы расставлены на назначенных местах и снабжены провиантом на три дня, а в замке никто ничего не заметил. Если и теперь Красноглазый не будет доволен, то чем же ему после этого угодить?... Не говоря уже о том, что мы подглядели, как в Розольфсе приехал незнакомый посетитель.

Так разговаривая, Трумп и Торнвальд дошли до берега фиорда, предполагая следовать им до того места, где назначил бандитам свидание их начальник Надод, высадивший их пять дней тому назад, вместе с десятком других таких же негодяев, близ Нордкапа и поручивший им одно секретное дело, результаты которого мы читателям не замедлим сообщить.

День давно уже настал, а бандиты продолжали быстро идти, то и дело огибая встречавшиеся на пути утесы. Вот уже вдали показалась голубая полоса моря. Вдруг, на одном из изгибов берега, они очутились прямо на виду у красивой шхуны, быстро шедшей вверх по каналу под попутным ветром. За шхуной следом шел большой корабль с высокими мачтами, в котором бандиты сейчас же узнали «Ральфа»... Разбойничий бриг вступил в Розольфский фиорд под руководством «Сусанны».

– Спрячься скорее! – сказал Торнвальд своему товарищу, ложась ничком на землю за утесом. – Нехорошо, если со шхуны нас увидят.

Трумп сделал так, как велел ему товарищ, а Торнвальд радостно продолжал:

– Ну, теперь розольфские миллионы, много веков хранившиеся в погребах, от нас не уйдут. Однако я не могу понять, каким чертом удалось этому Сборгу попасть на буксир шхуны, принадлежащей замку?..

Глава XI. Стокгольмский острог

Между тем как оба корабля спокойно шли по Розольфскому фиорду, Ингольф, как помнит читатель, велел позвать к себе Надода, имея надобность поговорить с ним несколько минут. Не зная, что предпринятая сообща экспедиция близится к цели, он намеревался предупредить Надода о неожиданной задержке, вызванной приглашением, полученным от Эдмунда и Олафа. Зная вспыльчивый характер своего сообщника, Ингольф намеревался привести ему все доводы в оправдание своего поступка. Со своей стороны Надод, еще не опомнившийся от сюрприза, причиненного ему открытием того обстоятельства, что спасители «Ральфа» – сыновья ненавистного врага, которому он всю жизнь собирался мстить, с тревогою спрашивал себя, согласится ли теперь Ингольф, при своих рыцарских свойствах, помогать Надоду в его мщении? Это было сомнительно, а между тем без помощи Ингольфа Надод ровно ничего не мог сделать. Ни один матрос на «Ральфе» не пойдет против своего капитана. Если б у Надода было время, то он мог бы рассчитывать, что постепенно ему удастся переманить экипаж брига надеждою на несметную добычу, но в том-то и беда, что времени не было. Надо было действовать быстро, иначе все пропадало. Но попробуй только Надод начать происки против Ингольфа, тот при малейшем подозрении застрелит его, как собаку...

Когда пришел посланный от Ингольфа, Красноглазый и без того уже находился в самом тревожном расположении духа, а тут его тревога еще возросла. Нужно было сразу решиться на что-нибудь, а между тем, на случай неуспеха, у Надода еще ничего не было придумано. Чтобы выиграть время и на чем-нибудь остановиться, Надод через того же посланного попросил Ингольфа отложить разговор до вечера, сказав при этом, что и сам он, Надод, со своей стороны, тоже хочет поговорить с Ингольфом, имея сообщить ему много очень важных вещей.

Сам не подозревая всей важности предстоящего разговора, Ингольф отвечал, что ему все равно, когда ни поговорить, и успокоенный Надод улегся в свой гамак, получив возможность на свободе обдумать и обсудить дело со всех сторон.

Во всяком случае, он решил идти на всякую крайность, лишь бы не выпускать из рук предоставившуюся возможность отомстить. Одну минуту он даже думал взять всю экспедицию в свои руки, устранив Ингольфа, но потом сообразил, что Ингольф ни за что не отдаст ему под команду сколько-нибудь значительную часть экипажа, без чего дело не могло выгореть... В конце концов Надод решил сказать Ингольфу все прямо, рассчитывая, что капитан пиратов не устоит против заманчивого соблазна одним ударом достигнуть главной своей цели. Пора, однако, объяснить, каким образом Надод и Ингольф сошлись так близко, какие обстоятельства их свели. Читатель, конечно, уже понял, что Надод Красноглазый – некто иной, как бывший розольфский крепостной, убежавший из замка после перенесенного ужасного наказания. Со времени бегства он повел такую жизнь, которая очень скоро довела его до тюрьмы, где он довершил свое воровское образование и после отбытия наказания сделался ужасом всего Стокгольма. После выхода из Эльсинорского острога он навербовал целую шайку мошенников и ловко распоряжался действиями ее, но по доносу одного из своих подручных, подкупленного полицией, был пойман и приговорен к каторжным работам. Когда его привели на эшафот и палач обнажил его могучие плечи, чтобы наложить установленное клеймо, Надод вдруг встряхнулся и сбежал с помоста, так что его потом лишь с большим трудом укротили при помощи целого взвода солдат.

С этого дня безобразный урод поклялся в непримиримой ненависти к обществу и скоро прославился такими бандитскими подвигами, в которые можно бы, пожалуй, и не поверить, если б о них не свидетельствовали официальные судебные документы.

Двадцать раз бегал Надод из острогов и тюрем Швеции, обращая в ничто все чрезвычайные предосторожности, принимаемые для того, чтобы помешать его бегству. Всякий раз

его ловили опять, потому что исключительная наружность мешала ему скрыться, и снова он совершал более или менее ловкий побег.

Сначала он только крал и грабил, но в конце концов озлобился настолько, что поклялся отомстить судьям, беспрестанно его осуждавшим. И вот в одно прекрасное утро Стокгольм был взволнован ужасною вестью: Надод опять убежал из острога, и вместе с тем пять судей, заседавших в то время, как разбиралось его последнее дело, найдены были зарезанными в своих постелях.

С этого дня его никто больше не видал, но страшная рука его чувствовалась во всех дерзких кражах, грабежах и убийствах. Полиция всех государств Европы безуспешно старалась отыскать его.

Затеяв свой последний побег, Надод притворился, что у него паралич всей левой половины тела, и пролежал целый месяц, не шевеля ни левой рукой, ни ногой и ужасным образом скривив левую сторону лица. Роль свою он сыграл с таким совершенством, что тюремный врач поддался на обман и объявил, что второй удар избавит общество навсегда от опасного врага. Накануне побега Надоду было, по-видимому, особенно плохо, так что для него призвали пастора. Тут произошла интересная сцена между пастором и притворно-умирающим.

– Зачем вы пришли смущать меня в последние минуты моей жизни? – едва внятно пролепетал Надод.

– Раскайся, сын мой, – ласково отвечал пастор, – искреннее раскаяние искупает всякий грех.

– Говорят вам, убирайтесь вон! – с гневом прошептал больной. – Я вас не звал. Зачем вы пришли?

Тогда пастор попросил позволения остаться с умирающим с глазу на глаз. Начальству было доложено, и оно разрешило сторожам, не уходившим из камеры Надода ни днем, ни ночью, выйти на некоторое время.

– Сын мой, отчего ты не хочешь раскаяться? – спросил пастор, когда остался с Надодом наедине.

– Послушай, говорят тебе, убирайся! – отвечал, начиная выходить из себя, закоренелый злодей.

– Потихе, Надушка, потихе! – сказал пастор несколько громче. – Шпионов нет, незачем притворяться.

– Кто же ты такой? – вскричал удивленный разбойник.

– Тебе какое дело? – отвечал мнимый пастор. – Меня к тебе послали... – Кто послал?

– Не знаю.

– Стало быть, ты шпион.

– А ты глупец.

Надод покраснел от гнева.

– Ну, ну, не сердись, – продолжал неизвестный. – Если ты считаешь меня шпионом, зачем же ты все время шевелишь левой рукой, которая у тебя будто бы в параличе?

– И то правда, – заметил сконфуженный Надод.

– Если б я был шпионом, мне бы не о чем было с тобой говорить, и я бы ушел. Но я останусь, чтобы исполнить данное мне поручение.

Неизвестный вытащил из-под рясы какой-то сверток и продолжал:

– Спрячь под постель. Тут все нужное для побега. И запомни то, что я тебе сейчас скажу, «Грабителям морей» нужен человек твоего закала. Хочешь командовать людьми, которые будут исполнять всякое твое приказание, переносить всякую пытку, не выдавая своих братьев, и с улыбкою всходить на эшафот?

– О! С такими людьми я переверну весь мир!

– В таком случае, как только освободишься, подъезжай в Англию, в город Чичестер, спроси там нотариуса Пеггама и скажи ему: «Я тот, кого ждут»...

И, не меняя тона, мнимый пастор вдруг прибавил без всякого перехода:

– Да будет с тобою мир, сын мой!

Бандит слегка повернул голову и понял: дверь в это время отворилась, и посетителю снова пришлось взяться за роль пастора.

Вошедший сторож объявил, что срок, назначенный для свидания, прошел. Пастор встал и простился с умирающим.

– Ночи не проживет, – тихо произнес он в дверях и вздохнул с сокрушением.

Глава XII. Подвиги «Грабителей»

Предсказание мнимого пастора оправдалось: Надод действительно не прожил этой ночи в тюрьме.

По тюремным правилам освещать камеры полагалось только от семи до десяти вечера, а между тем зимою в шесть часов бывает уже совсем темно. Сторожа на минуту вышли зачем-то из камеры, а Надод этим воспользовался и развернул принесенный ему пастором сверток. В свертке оказалась бритва и костюм сестры милосердия.

– Вот оно, оружие о двух концах! – произнес бандит, улыбаясь зловещей улыбкой.

Сначала он подумал воспользоваться сном сторожей, перерезать им обоим горло и убежать, но вспомнил, что ему придется идти через гауптвахту, а уж там его, конечно, не пропустили бы. Тогда Надод придумал другое средство, которое именно и удалось благодаря своей крайней дерзости. Быстро обрив себе бороду, он, покуда не пришли сторожа, надел на себя платье сестры милосердия, затем сделал чучело, которое положил вместо себя в постель, а сам встал на колени, как будто на молитву. В камере было темно настолько, что обман не бросался в глаза.

– Вот тебе раз! – сказали в один голос оба сторожа, как только вернулись. – Сюда кто-то пришел!

Они подошли ближе и увидели одну из сестер общины милосердия.

– Кто вас сюда пропустил, мать честная? – с удивлением спросил один из сторожей.

Они уже привыкли к посещению сестер милосердия, этих достойных, уважаемых женщин и девиц.

Надод отвечал самым тихим шепотом, чтобы лучше изменить свой голос:

– Сам господин директор по рекомендации того пастора, который навещал узника. Господин пастор полагает, что я могу усладить последние минуты несчастного, но только узник принял меня дурно с разным богохульством и, отвернувшись к стене, объявил, что не станет мне отвечать ни слова, так как ни в каких моих заботах не нуждается.

– Как он сказал, так и сделает, матушка, – отвечал сторож. – Я уверен, что вы не знаете, к кому вас прислали?

– Нет, – чуть слышно ответил робкий голос сестры милосердия.

– Это знаменитый разбойник и убийца Надод Красноглазый, – продолжал особенно значительным голосом сторож. – Он уже двадцать один раз бегал из острогов и тюрем и, когда его привели к нам сюда, насмешливо сказал нам: «Меньше чем через месяц я убегу отсюда, и это будет мой двадцать второй побег». Он мог бы прибавить – и последний, так как теперь ему, как надо полагать, придется волей-неволей удалиться из этого мира.

– На его хвастовство, – вмешался другой сторож, – мы ответили ему тогда же, что, во всяком случае, он не уйдет отсюда живой. Знаете, сестра, таких разбойников, как Надод, нельзя запереть ни на какой замок. Одно средство устеречь их – это не спускать с них глаз ни на одну минуту.

– Я полагаю, что мне здесь совершенно нечего делать, – сказала сестра милосердия. – Мое присутствие неприятно ему.

– Мы то же самое думаем, – отвечал первый сторож, – потому что вы от него ничего не добьетесь. Раз он поклялся, он уж ни слова не произнесет. Ступайте с Богом. Один из нас проводит вас, так как вам непременно нужно будет пройти через гауптвахту. Да, нелегко отсюда выбраться узнику... Отсюда еще ни один из них не выходил иначе как в деревянном ящике. – Эти последние слова были сказаны с грубым смехом. – Ступайте, сестра, я вас провожу, а Иогансон останется здесь.

Услыхав эти слова, Надод с облегчением перевел дух. Во время этого разговора у него на лбу стояли капли холодного пота. Ночь между тем надвигалась, становилось все темнее и темнее. Вздумай кто-нибудь случайно зажечь лампы на четверть часа раньше, – и он бы погиб. Степенно, неторопливо сторож выбрал из связки большой ключ, отпер дверь и пропустил сестру милосердия вперед.

– Как есть, ни зги не видно! – проворчал он досадливо. – Что бы им зажечь лампы?.. А все экономия... Дайте мне вашу руку, сестра, я вас поведу.

– Нет, благодарю вас, я вижу достаточно хорошо, – отвечал Надод с редким присутствием духа.

Протяни только он сторожу свою мощную длань, его сейчас же бы узнали.

– Ну, как угодно, – равнодушно заметил сторож.

Он шел по коридору, насвистывая какой-то мотив. Надод шел сзади, стараясь как можно тише ступать. Через каждые десять метров сторож отпирал железную дверь, потом каждая из них захлопывалась со зловещим глухим стуком. К счастью, никто не попадался навстречу: большинство служащих при тюрьме в это время обедали, иначе Надод и сторож непременно бы наткнулись на кого-нибудь из надзирателей, которые часто прохаживались по коридорам с фонарем в руке.

Вдруг Надод почувствовал, что холодеет от ужаса.

Он вспомнил, что по тюремным правилам всякий посетитель должен пройти через канцелярию, где удостоверялась его личность при входе и выходе. Канцелярия была, конечно, хорошо освещена, и Надода узнают там непременно.

Как и везде, между служащими в тюрьме и чиновниками канцелярии была глухая вражда. Как будут рады эти чернильные души подцепить сторожа, так наивно готовившегося выпустить на свободу одного из заключенных – и кого же? – Надода Красноглазого, самого страшного бандита! О, тогда такая поднимется кутерьма...

Все это разом промелькнуло в голове Надода, и он уже подумывал о том, не лучше ли, во избежание скандала, открыться сторожу, который преспокойно отведет его обратно в камеру и даже будет ему очень благодарен за избавление от неприятности. Из чувства признательности сторож, быть может, сам потом поможет ему убежать...

В ушах Надода заранее звучали хохот и глумление, которые, конечно, не замедлили бы поднять сонм торжествующих чиновников. Да, нечего делать, нужно этот скандал устранить.

Надод уже протянул руку, чтобы хлопнуть сторожа по плечу, как вдруг последний обернулся сам и с живостью спросил:

– Скажите, пожалуйста, сестра: вас директор через канцелярию провел? Видели вас эти чернильные души?

Сказано это было с неподражаемым презрением.

Надоду блеснул луч спасения. Железный этот человек волновался, как нервная женщина.

– Нет! – произнес он с усилием. – Господин директор провел меня прямо в камеру.

– В таком случае мы и теперь пройдем тем же путем. Чернильные души будут очень рады случаю отметить нарушение правил. Правда, они попридержат язык за зубами, потому что сделал это сам господин директор, но все-таки лучше с ними не связываться... Пойдемте сюда. Я вас выведу прямо на гауптвахту.

Сторож повернул в боковой коридор, отворил дверь на гауптвахту и, выпустив Надода, объявил:

– По приказанию господина директора.

– Пароль? – спросил унтер-офицер.

– Бдительность и верность! – шепнул сторож на ухо солдату.

– Проходите! – сказал унтер-офицер.

Лицо Надода было совершенно закрыто покрывалом.

Сторож проводил его до самого выхода.

– До свидания, честная мать! – сказал наивный человек и низко поклонился.

– До свидания, мой друг, – прошептал бандит и, не спеша, вышел на улицу, скрестив на груди руки в широких рукавах. Надод был свободен.

В пятидесяти шагах от тюрьмы его уже дожидался мнимый пастор с каретою, запряженною парой быстрых коней. Надод вскочил в экипаж, который понесся, как вихрь.

В ту же минуту со стороны тюрьмы грянул пушечный выстрел.

Сторож, оставшийся в камере, заметил побег еще прежде, чем возвратился его товарищ, и, как сумасшедший, побежал дать тревогу.

После побега не прошло еще десяти минут. Беглеца надеялись поймать...

Погоня была послана по горячим следам, но все поиски остались безуспешны.

Несчастливого сторожа прогнали с места и едва не посадили самого в тюрьму. Он был женат, имел детей и очутился в самой злой нищете.

Однажды вечером несчастный сидел у нетопленного очага и с тоскою слушал, как голодные дети его просили хлеба, которого не было в доме. Вдруг в комнату вошел какой-то незнакомец, положил на стол объемистый мешок и удалился.

В мешке оказалось двадцать тысяч золотых талеров, а на дне лежал клочок бумажки с надписью: «От сестры милосердия».

Надод исчез бесследно. Ни в Швеции, ни в Норвегии его не могли найти.

В это время только что окончилась Семилетняя война, в которой принимали участие Пруссия, Франция, Австрия и Россия. Северные державы совершали раздел Польши. Во всей Европе гремели войны. Разбой усилился, проезжие дороги были лишены всякой безопасности. К этому именно времени и относится образование в Европе многочисленных разбойничьих шаяк, носивших разные наименования: Рыцарей Шварцвальда, Рыцарей Горных стран, Нагревателей, Вольных Товарищей, Грабителей морей и других.

«Грабители морей» действовали на морских берегах всей Европы. Главное отличие их от других шаяк было в том, что они одинаково подвизались как на море, так и на суше. Агенты их проникали всюду и вынюхивали добычу, но действовали так осторожно, что честные люди и не догадывались об их деятельности.

К числу этих агентов принадлежал и почтенный нотариус Пеггам. Он агентствовал на английском берегу, который был едва ли не самым важным для пиратов. Добыча каждой экспедиции делилась обыкновенно на две части: половина шла участникам экспедиции, а другая – невидимым вождям «Грабителей», которых не знали в лицо даже самые важные агенты, но власть которых и скрытое влияние чувствовалось всеми.

Когда в один прекрасный день шайка «Грабителей» собиралась ограбить дворец какого-нибудь богатого лорда, начальник шайки получал подробный план дома, ключи от всех дверей и описание всех запертых помещений и хранящихся в них ценностей.

Кто мог доставлять эти сведения?

Разумеется, кто-нибудь из главных вождей, принадлежавших к высшему обществу.

Однажды ночью был дочиста ограблен дворец герцога Девонширского на глазах у десятка полисменов.

В другой раз шайка «Грабителей» была изловлена на месте преступления в то время, как она взломала денежный шкаф одного из богатейших банкиров Лейчестер-Рода. Разбойников приговорили к повешению, но невидимая рука помогла им всем бежать ночью, накануне казни. Иногда «Грабители» действовали в интересах чьего-нибудь личного мщения, тайно отправляя на тот свет целые семейства, мешавшие какому-нибудь высокопоставленному лицу. При одной из драм этого рода довелось однажды присутствовать Олафу и Эдмунду. Спрятавшись в пустынной бухте одного островка в Северном море, они видели, как «Грабители» сбро-

сили в море семерых человек: отца, мать и пятерых детей, из которых старшему было только восемь лет.

Это происходило в ста метрах от берега, и молодые люди слышали, как несчастные молили о пощаде.

– Я знаю, моему брату хочется получить мой титул, занять мое место в палате лордов, – говорил отец семейства. – Пусть он берет и то, и другое. Я уступлю ему и титул маркиза, и майорат, и все свои права, только пощадите нас!.. Составьте протокол о нашей смерти и отвезите нас на какой-нибудь остров в Тихом океане. Даю вам честное слово, что о нашем существовании никто никогда не услышит.

Но палачи оказались недоступными жалости. Каждому из несчастных привязали к ноге по пушечному ядру и всех вместе сбросили в воду.

Олаф и Эдмунд слышали все это, онемев от ужаса...

Убийством руководили два человека: в одном из них молодые люди впоследствии узнали нотариуса Пеггама, а другой был закутан в морской плащ с капюшоном, и лица его не было видно. Молодые люди, впрочем, заметили, что это был мужчина атлетического роста и сложения.

Это был некто иной, как Надод, который после своего побега послушался совета своего освободителя и уехал в Чичестер, где и поступил в общество «Грабителей морей». Олаф и Эдмунд, не помня себя от волнения, вернулись на свою шхуну, стоявшую на якоре с другой стороны острова, и пошли следом за разбойничьим кораблем, рискуя подвергнуться нападению. Они дали себе клятву отыскать виновников этого ужасного злодеяния и отомстить злодеям. Следуя за кораблем, они, незамеченные бандитами, пришли в Чичестерскую гавань, но в ту же ночь корабль исчез.

Молодые люди уже хотели уезжать домой в Норрланд, как вдруг на одной из улиц города повстречали нотариуса Пеггама, в котором сейчас же узнали одного из главных виновников убийства. Гнусного бандита сопровождал почтенный Ольдгам, его первый клерк. Велико было изумление молодых Биорнов, когда они узнали, что этот Пеггам состоит членом парламента за Чичестер и пользуется репутацией честнейшего человека в графстве. Они уехали домой, решившись все рассказать отцу и вернуться назад со своими верными Гуттором и Грундвигом, чтобы следить за Пеггамом и вывести его на чистую воду. Этот план они и собирались привести в исполнение, когда встретились с Ингольфом и спасли его от ярости Мальстрема. Теперь читателю понятно их волнение, когда они неожиданно увидели Ольдгама, которого узнали сейчас же, и чтобы поправить дело, потребовалась вся смелость и все хладнокровие Ингольфа.

Они сделали очень важную ошибку, намекнув при Надоде о драме, совершившейся на их глазах. С этого момента в душе бандита решена была их участь, тогда как, не будь этого обстоятельства, он, быть может, удовольствовался бы местью одному старому Гаральду.

Глава XIII. Злодейский уговор

Общество «Грабителей морей» носило свое название с полным правом, потому что занималось преимущественно грабежом купеческих кораблей и отсюда получало свой главный доход. Давно уже зарилось оно на древний Розольфский замок и на миллионы, восемь веков хранившиеся в его погребах. Четыре попытки были уже сделаны, но все четыре не удались. Наконец «Грабители» прибегнули к помощи Красноглазого, надеясь на его смелость и опытность и принимая во внимание его прежние отношения к замку, а также ту жажду мщения, которая его воодушевляла.

Легкие корабли «Грабителей», приспособленные преимущественно для абордажных схваток с неповоротливыми купеческими судами, никогда не дерзали нападать на старый замок, защищенный толстыми стенами, пушками и эскадрой из семи или восьми прекрасно вооруженных кораблей. Четыре раза посылали их форсировать вход к фиордам, и всякий раз капитаны их возвращались с докладом, что при наличных их средствах нет возможности исполнить эту сложную задачу.

Надоду поручили сделать новую попытку и с этой целью дали ему *carte-blanc*, предоставив в его распоряжение все средства общества.

Красноглазый скоро убедился, что средств этих слишком недостаточно, потому что у «Грабителей» нет никаких орудий для того, чтобы вести осаду замка. Нужно было, таким образом, поискать другое средство. И Надод отыскал его. Ему пришла в голову просто гениальная мысль.

В то время в Швеции было очень нанапряженное политическое положение. Дворянство ненавидело Густава III за его действительно невозможный характер. Трон этого короля сильно шатался. Со всех сторон ему грозили заговоры. В обществе поговаривали о том, чтобы восстановить на шведском престоле древнюю династию Биорнов.

Красноглазый написал письмо Гинго, любимцу короля, изобразив ему положение дел, и рекомендовал средство укрепить королевский трон. В конце письма присовокуплялось, что Надод желал бы встретиться с Гинго где-нибудь на нейтральной почве и сообщить ему свой план в подробностях.

Гинго был человек не из совестливых и действовал, обыкновенно, не разбирая средств. Он с удовольствием ухватился за предложение Надода и сам отправился для свидания с ним на английский берег. Надод убедил Гинго, что Биорны являются душою всех заговоров против короля – что было совершенно неверно, но вполне согласовалось с его планами – и что если этот мятежный род уничтожить, то в Швеции немедленно водворится спокойствие. Ввиду критического положения, в котором находился Густав, Гинго очень обрадовался этой идее и спросил Надода, какого рода поддержки он для себя желает и какой награды ждет, если будет успех.

– Для себя я требую только отмены всех судебных приговоров, вынесенных мне, – отвечал Красноглазый, – требую полного восстановления моей чести, пожалования мне дворянского достоинства и предоставления мне права поделиться со своими помощниками тем золотом, которое нами будет найдено в замке.

– Я согласен, – отвечал Гинго.

– Что касается поддержки, – продолжал Надод, – то мне необходим военный корабль с тридцатью пятью пушками и шестьюдесятью матросами. Вы должны предоставить его в полное мое распоряжение.

Гинго возразил, что это совершенно невозможно, потому что такой поступок правительства даст лишь новое оружие в руки врагов короля.

– Даже больше того, – говорил он, – нам придется поймать человек двадцать негодяев и расстрелять их под предлогом виновности в нападении на замок. Если вам мы дадим помилование и награду, то лишь под тем предлогом, что вы будто бы защищали замок и обнаружили необыкновенную преданность и верность. В противном случае мы только ускорим свое падение.

Надод согласился с этими, действительно резонными, доводами, но все-таки объявил, что без военного корабля он ничего не может сделать.

– За этим дело не станет! – отвечал Гинго. – У нас тут была сделана вопиющая несправедливость, против которой я безуспешно протестовал: корсару Ингольфу, который в последнюю войну оказал нам больше услуг, чем весь наш остальной флот, вместе взятый, обещано было зачисление в корпус офицеров регулярного флота, но зависть адмиралтейства помешала королю сдержать данное обещание. Вы знаете, конечно, что Ингольф не отдал назад вверенного ему корабля и вступил в открытую незаконную войну со всеми европейскими флотами. Вот человек, какой вам нужен. Отыщите его и обещаю ему чин капитана 1-го ранга и амнистию за все прошлое. Можете быть уверены, что он согласится идти за вами. Это человек замечательно способный и готовый отдать полжизни за то, чтобы выйти и из своего нелегального положения.

Идея очень понравилась Красноглазому. Он пришел от нее в восторг, но при этом совершенно основательно заметил королевскому любимцу, что Ингольф обещаниям не поверит уже по одному тому, что его один раз обманули. Поэтому нужно будет начать с амнистии и с выдачи ему патента на чин, подписанного самим королем.

Гинго согласился и на это. Положение было настолько серьезно, что король без труда дал свою подпись, и через неделю в руках Надода было уже два драгоценных документа.

С одним из своих товарищей он отправился искать Ингольфа, который корсарствовал за свой собственный счет и не имел до сих пор никакого отношения к «Грабителям». В конце концов после двухнедельных поисков по морям, Красноглазый отыскал его и сделал ему известное читателям предложение, изменив его в том отношении, что о патенте и об амнистии умолчал, благоразумно решившись выдвинуть эти два аргумента лишь в крайнем случае, если представится какое-нибудь неожиданное затруднение. Он изобразил ему дело в виде контр-заговора, придуманного друзьями Густава III для отражения заговоров, затевавшихся всюду против короля, и центром, очагом которых был будто бы замок Розольфсе.

– В случае удачи, – говорил Ингольфу коварный пират, – друзья короля сумеют выхлопотать для тебя все, что ты пожелаешь: они достаточно сильны для этого. Во всяком случае, ты найдешь в замке несметное богатство.

Сначала Ингольф отнесся ко всем этим внушениям очень неблагоприятно. Надод уже собирался вручить ему патент на чин и указ об амнистии, как вдруг Ингольф попросил двадцать четыре часа на размышление и по прошествии этого срока согласился, к удивлению самого Надода.

Мы впоследствии узнаем, что побудило Ингольфа дать свое согласие.

Красноглазый поспешил воспользоваться благоприятным обстоятельством и отправился с Ингольфом к нотариусу Пеггаму, у которого оба пирата заключили между собой форменный договор. Сверх того Надод взял с Ингольфа слово, что он никогда и ни под каким видом не покинет общее дело, прежде чем цель экспедиции не будет достигнута. Ингольф слово дал, и Надод знал, что он от своего слова не отступится.

Очевидно, у Ингольфа, несмотря на свое нелегальное положение сохранившего чувство чести, были какие-нибудь очень веские причины, если он решился связаться с таким низким негодяем, как Красноглазый. Эти причины мы скоро узнаем из разговора, который последует между двумя пиратами.

Между тем в Розольфсе никто и не подозревал, какая беда нависла над головами старого Гаральда и его детей. Слепой случай устроил так, что бандиты без труда попали как раз туда,

куда им было нужно, и посредством самого гнусного из предательств, – посредством злоупотребления гостеприимством, готовились привести в исполнение свои злодейские замыслы.

Под вечер этого дня корабли вступили в небольшую Розольфскую гавань, и молодые люди поспешили представить отцу своего нового друга. Старый Гаральд пригласил Ингольфа к обеду в этот же вечер. Ингольф всегда тщательно берег свой парадный капитанский мундир, который ему было позволено носить во время войны, и теперь, вырядившись в него, явился на обед к герцогу Норрландскому.

Когда он проходил под крытыми воротами замка, весь сияя золотым шитьем и орденами, которые ему действительно были пожалованы разными государствами, хотя впоследствии и отняты, – навстречу ему вышел посланный Гаральдом старый Грундвиг, чтобы проводить гостя по лабиринту коридоров древнего замка в приемную залу.

Увидав Ингольфа, старый слуга вдруг побледнел, как мертвец, и даже прислонился к стене, чтобы не упасть. Так стоял он, глядя растерянно перед собой и не в силах будучи вымолвить ни слова.

– Что с тобой, стариனுшка? – ласково спросил его Ингольф, подходя к старику и поддерживая его рукой.

У капитана голос был очень звучный, принимавший иногда необыкновенно нежный тембр.

– Голос герцогини!.. – бормотал обеспамятевший слуга. – А сходство какое!.. Боже мой! Боже мой! Неужто я сошел с ума?

Капитан стоял, не понимая, что такое делается со стариком. Из затруднения его вывел прибежавший весьма кстати Эдмунд.

– Что же ты, Грундвиг? – сказал юноша, полусмеясь, полусердито. – Отчего же так долго не ведешь моего друга? Нездоровится тебе, что ли?

– Ничего, ваша светлость, это я так... пойдемте... ослабел немного. Годы-то мои разве молодые? – бормотал старик.

Эдмунд дружески взял Ингольфа под руку, и скоро оба молодых человека скрылись под сводами коридора. Грундвиг смотрел им вслед и продолжал лепетать:

– Господи! Господи!.. Дай, чтоб это был он! Тогда я умру спокойно.

Глава XIV. Блокада английской эскадры

Под конец обеда, за которым Ингольф всем очень понравился своим чисто великосветским умением себя держать, один из матросов герцога вдруг принес важную весть: у входа в фиорд остановилась английская эскадра в семь кораблей, из которых один направился в канал, несмотря на поданный ему береговым телеграфом знак не делать этого.

Фиорд был собственностью герцога, и никто не имел права входить в него без его разрешения.

Услыхав это известие, Ингольф слегка побледнел, чего, впрочем, никто не заметил. Он один понимал, что нужно английской эскадре в норрландских водах.

– Какая дерзость!? – с гневом вскричал Гаральд. – Что же, в них стреляли?

– Никак нет, ваша светлость. Начальник караула Нюстен не посмел этого сделать, но зато протянул цепи у адских ворот, и английский корабль принужден был остановиться.

Адскими воротами называлось то место канала, где он суживался до пятидесяти метров, так что тут можно было заграждать вход цепями, разматывая их при помощи ворота.

Матрос продолжал.

– Командир корабля велел на это сказать, что завтра на рассвете он наведет свои пушки и разобьет цепи, если его не пропустят добровольно. Нюстен отвечал, что при первой же подобной попытке он откроет огонь со всех батарей и пустит английский корабль ко дну.

– Это хорошо! – вскричал Гаральд. – Этим он загладил свою нерешительность в начале столкновения... Продолжай...

– Затем, ваша светлость, начальник караула отправил меня к вам с рапортом и за приказаниями.

Гаральд тут же продиктовал своему секретарю следующее письмо:

«Герцог Норрландский, верховный владетель фиордов и берегов, входящих в состав герцогства, предписывает командиру английского корабля, ворвавшемуся в Розольфский фиорд, немедленно удалиться из вод герцогства под опасением насильственного удаления оттуда. О том же самом предупреждается и вся эскадра, которой сим предписывается раньше восхода солнца оставить розольфские воды.

Гаральд XIV, герцог Норрландский».

По роковой случайности имя Биорнов опять не было произнесено, так что Ингольф по-прежнему остался в неведении, что его гостеприимные друзья и есть именно те Биорны, которым собирался мстить Красноглазый Надод, до сих пор подробно не рассказавший Ингольфу о своих врагах.

Одно слово могло бы все объяснить Ингольфу, но это слово не было сказано. Достаточно бы было герцогу подписаться своим родовым прозванием, но он, как на грех, подписался только личным именем и проставил свой титул. Все как будто нарочно благоприятствовало мстительным замыслам Надода.

– Как объяснить такую неслыханную дерзость? – сказал Ингольфу старый герцог. – Ведь это чудовищно: англичане пользуются слабостью современной Европы и присвоили себе право заходить во все порты для осмотра. Я не намерен подчиняться такому унижению. У меня самого есть шесть кораблей, при помощи которых я могу, если окажется нужным, охранить от пиратов свои рыбные ловли. Я сумею всякого заставить уважать независимость Норрландского герцогства, торжественно признанную Кольмарскою унией.

– Я вас вполне одобряю, ваша светлость, – сказал Ингольф. – Невозможно терпеть такую наглость тем более, что в вашем распоряжении находится семь кораблей – число, равное численности английской эскадры, пришедшей в фиорд.

– Вы ошибаетесь, капитан, – возразил Гаральд, – у меня не семь кораблей, а только шесть. «Сусанна» – увеселительная яхта, и она не вооружена.

– И все-таки, ваша светлость, у вас семь кораблей, считая мой бриг, которому вы, разумеется, позволите принять участие в битве с англичанами.

– Как! Вы решитесь принять участие в битве! – вскричал в изумлении Черный герцог. – Но ведь вы можете за это ответить перед своим правительством.

Если б Ингольф последовал тому, что ему подсказывала его рыцарская натура, он бы воскликнул:

– Не хочу вас больше обманывать: англичане пришли в фиорд ради меня. Я капитан Вельзевул. Вступив в битву с англичанами, вы будете защищать не столько себя, сколько меня. Если хотите, выдайте меня англичанам, и король их немедленно пришлет вам орден Подвязки; от Англии не отстанут и другие державы: Швеция даст вам орден Железной Короны, Пруссия – Черного Орла... Берите меня. Прикажите арестовать за вашей трапезой капитана Вельзевула.

Но он подумал немного и промолчал. Собою он имел право рисковать сколько угодно, но теми храбрыми матросами, которых он сам же превратил в пиратов, не имел ни малейшего права. Далее он вспомнил клятву, торжественно данную Надоду, и покорился судьбе.

– Вы не отвечаете? – сказал герцог, с уважением отнесясь к этой задумчивости.

– Я все придумывал, как бы избежать тех последствий, на которые вы мне указали, – возразил Ингольф, пришедший наконец к определенному решению, – и придумал. Я буду сражаться под вашим флагом, и никто не узнает, кто я такой на самом деле. – Пират произнес эти последние слова с какой-то странной улыбкой, смысла которой не понял никто.

– Bravo, капитан! – вскричал с юношеским пылом герцог. – Это будет уже третья морская битва за честь герцогства Норрландского. Датчане и голландцы кое-что помнят об этом...

Олаф и Эдмунд, радуясь случаю померяться с англичанами, горячо пожали Ингольфу руку.

– Если мы их победим, – сказал старый герцог на ухо Анкарстрему, – это будет очень хорошо для наших планов.

– В Швеции и Норвегии это вызовет всеобщий восторг, – отозвался Анкарстрем. – Тогда нет никакого сомнения, что сейм выберет в короли Эдмунда.

Эти слова были сказаны так тихо, что их расслышал только Гаральд, и лицо его озарилось улыбкой радости и гордости.

Глава XV. Ультиматум

Было решено, если англичане не уйдут, сразиться с ними в розольфских водах, под защитой небольшого укрепления на мысе.

Присланный Нюстеном матрос ушел, унося ультиматум герцога англичанам и приказ начальнику караула. После этого все разошлись по своим комнатам, а Ингольф вернулся на свой бриг. Олаф и Эдмунд выпросили у отца, чтобы их новому другу было вверено общее начальство над эскадрой, так как он был тут всех опытнее, потому что участвовал в настоящей, большой войне. Возвратясь на свой бриг, Ингольф на палубе встречен был Надодом, который ждал его с нетерпением. Красноглазый тоже собирался дать битву всему тому, что было в Ингольфе благородного и великодушного, и не был при этом уверен в победе. А между тем победа для него была необходима, так как другой такой случай утолить свою ненависть к Биорнам уже не мог больше представиться. Вместе с тем Надод, в случае успеха предприятия, получал и прощение за все свои преступления, а это тоже было для него очень важно. С этой амнистией и с миллионами, награбленными в Розольфсе, негодай рассчитывал вновь появиться в обществе, высоко держа свою преступную голову, над которой давно был занесен топор палача. В случае неудачи Надод решился хладнокровнейшим образом убить Ингольфа и, приписав его смерть розольфцам, воззвать к матросам брига о страшной мести обитателям замка.

Настала одна из прекраснейших полярных ночей. На небе засияли мириады звезд, отражаясь золотою пылью в темных водах фиорда. Теплый ветер, пропитанный острым ароматом моря, тихо колебал высокую степную траву скога, в которой стоял смутный сонный гул уснувшей природы – жужжание насекомых, шелест листьев, ропот ручейков среди мха, а в ветвях трепетнолистной осины заливался северный соловей, прерываемый по временам громким, нескладным кваканьем болотных лягушек.

Вдруг по всем окрестностям замка громко прокатился рокот норвежской военной трубы, сзывавшей всех розольфских моряков, рыбаков и вассалов на защиту замка.

Надод не понимал значения этих звуков, но тем не менее сердце у него сжалось недобрым предчувствием. Он и без того уже был встревожен тем, что Ингольф слишком долго, по его мнению, не возвращается.

Но вот на берегу раздались чьи-то быстрые шаги. От пристани отделилась шлюпка и поехала к бригу... Это возвращался капитан.

– Я запоздал, – сказал Ингольф своему товарищу, вступив на палубу, – но там, в замке, случились важные происшествия. Пойдем ко мне в каюту, я тебе все расскажу. Эй, господин Альтенс! – позвал он мимоходом своего помощника.

– Я здесь, командир мой.

– Всех людей на места, да втихомолку приготовьте все к сражению.

– Слушаю, командир мой, – совершенно невозмутимо отвечал Альтенс.

В сопровождении Надода Ингольф вошел в свою каюту. Заперев за собой дверь, пират предложил Надоду стул и сел сам.

– Я хотел с тобой давеча поговорить об одном осложнении. С тех пор дела еще более ухудшились, предупреждаю тебя.

У Надода перекошилось все лицо, но он ничего не сказал.

Ингольф продолжал:

– Мне кажется, что нам придется отказаться от нашей экспедиции.

Надод все молчал, только огромная волосатая рука его судорожно сжималась.

– Само собой разумеется, что я тут ни при чем, – флегматично продолжал капитан, – и что твои замыслы, вероятно, отчасти сделались известными там...

Он не мог продолжать. До сих пор Надод сдерживался, но тут вся его злость прорвалась наружу.

– Очумел ты, что ли, чертов сын? Настоящий ты Вельзевул после этого... Что ты тянешь из меня душу, отчего не расскажешь разом, что такое случилось?

Ингольф встал, покраснев от гнева.

– Еще одно слово – и я тебя задушу, – сказал он голосом, в котором звучала холодная решимость.

Надод отскочил и выхватил из кармана пистолет.

– А! Так вот ты как! – вскричал Ингольф и, взмахнув ногою, очень ловко вышиб из рук Красноглазого пистолет, который отлетел прочь шагов на десять. Обезумев от ярости, Надод бросился на капитана, пытаясь ухватить его за горло, но тот сам схватил его за шиворот и за талию, приподнял с пола, как ребенка, и крикнул:

– Нет, уж это слишком, негодяй этакий! Теперь я тебе не спущу и разобью тебя об стену!

Он приподнял Надода еще выше и размахнулся, чтобы исполнить свою угрозу, но тут негодяй взмолился жалобным голосом:

– Сжался, Ингольф, пощади! Если б ты знал, как было мне тяжело услышать, что мои планы рушатся!

К счастью для этого негодяя, Ингольф был отходчив. Он сейчас же укротился и выпустил Надода.

– Пошел!.. Ты мне просто противен, да и сам я себе противен не меньше, – сказал капитан печальным голосом. – Два таких бандита, каковы мы, не могут объясняться между собою, как люди... Я было и забыл об этом...

Красноглазый смущенно молчал. Ингольф сидел, низко опустив на грудь голову, и молчал тоже. Наконец он сжалился над Надодом и сказал:

– Раз тебе хочется узнать все поскорее, – сказал он, – так знай, что, когда сыновья герцога Норрландского пригласили меня в гости, я хотел было отказаться, но в это время вахта заметила на горизонте английскую эскадру. Выйти в море нам нельзя было, поэтому я решился укрыться дня на три или четыре в фиорде... Но уж не знаю почему: эти ли молодцы, усомнившись в нас, пригласили эскадру, или англичане сами нас выследили, но только семь военных кораблей явились в фиорд и стали у входа. Их остановила лишь протянутая вовремя заграждающая цепь. Взбешенный герцог Норрландский потребовал, чтобы англичане ушли из фиорда, грозя в противном случае принудить их к тому силой, и завтра у нас будет битва, так как я, разумеется, не мог предоставить розольфцам справляться с англичанами своими силами, которых слишком недостаточно, и предложил свою помощь. Разумеется, я должен был отплатить гостеприимным хозяевам замка за их любезность и за то, что им придется сражаться за меня. Когда же англичане уйдут, тогда я снова буду продолжать экспедицию, так как я дал слово, от которого не отступлю.

Надод был изумлен.

Итак, Ингольф все еще не знал, что герцог Норрландский и Гаральд Биорн – одно и то же лицо! Итак, Ингольф не отказывался от экспедиции и твердо помнил данное слово!.. Что же касается до англичан, то Надод рассчитывал их удалить, дав им знать, что перед ними не пират, а действительно капитан шведского флота, на что даже имеется патент.

Надежда вернулась к Надоду, и он решил взять быка за рога.

– Спасибо за ваше сообщение, дорогой капитан, – начал он мягким голосом, – и простите меня еще раз за безобразное мое поведение, виною которому мой вспыльчивый характер. Я так раскаиваюсь, так сожалею... А теперь позвольте мне указать вам средство отделаться от англичан без битвы. Выслушайте меня внимательно. То, что я собираюсь вам сказать, имеет огромное значение.

– Я готов тебя слушать, – улыбаясь, отвечал Ингольф, – но все-таки замечу, что ведь и ты не обошелся без предисловия, а сам же давеча на меня рассердился за это.

– Я не стану тебя долго томить, не беспокойся. Ты сейчас мне сам сказал, что не способен изменить данному слову, и я желаю услышать от тебя еще раз это же самое.

– Другому я знал бы, что на это ответить, но так как ты – негодяй, совершенно не понимающий подобных вещей, то я тебе повторяю, что слову своему не изменю.

– Даже для того, чтобы спасти свою жизнь?

– Даже для спасения собственной жизни.

– Даже для спасения друга, родственника, благодетеля?

– Это еще куда ты гнешь?

– Отвечай!

– Странная настойчивость.

– Ты сам говоришь, что тебя ничто не заставит изменить своему слову.

– Разумеется, ничто. Доволен ты теперь?

– Так слушай же, капитан Ингольф. Те люди, которым я уже двадцать лет собираюсь жестоко отомстить, некто иные, как владельцы замка Розольфсе, Биорны, имеющие титул герцогов Норрландских.

Ингольф был поражен как громом. Несколько минут он стоял, безмолвный от ужаса.

– Герцог Норрландский, – проговорил он наконец сдавленным голосом. – Герцог Норрландский!.. Сыновья которого рисковали жизнью, чтобы нас спасти!

Затем он вдруг опять вспылil и вскричал с гневом:

– Этого не может быть! Таких гнусностей не бывает! Ведь ты просто так пошутил, да? Ну, Надод, не терзай меня, это нехорошо. Бывают мерзости, но все не такие... Ты только подумай: отнять жизнь у тех, кто нам спас жизнь!.. Ведь это чудовищно!..

Но Красноглазый холодно молчал. Ингольф понял, что он не шутит, и продолжал просящим, ласковым голосом:

– Вот что, Надод: я умру от невыносимого презрения к самому себе, если совершу эту гнусную измену. Послушай, откажись от экспедиции.

– Нет, я не могу, – сухо ответил негодяй. – Я двадцать лет только и жил, только и дышал этой мечтой. Взгляни на меня, погляди на мое обезображенное лицо, на мой отвратительный, ужасный глаз... Ведь я урод, на которого никто не может взглянуть без крайнего отвращения. И кому я всем этим обязан? Им, этим Биорнам.

– Но они нас спасли!

– А меня погубили.

– Олаф и Эдмунд невинны. Они тут ни при чем.

– Мои родители, умершие от горя, тоже были ни в чем не повинны. Пощади ли их Гаральд? Ты думаешь, моя главная цель – убить старого герцога? Вовсе нет: он и так уж стар, ему все равно недолго жить. Нет, я хочу уничтожить весь их проклятый род, я хочу, чтобы старый герцог ползал у моих ног, моля о пощаде для своих сыновей, и все-таки не получил бы ее... Я поклялся это сделать, а ты дал слово мне помогать.

– Относительно слова я тебе вот что скажу, Надод, – возразил Ингольф, цепляясь за всякую соломинку, – если слово честное, то оно имеет силу только относительно честных целей.

– Жалкие отговорки! О честных целях может быть речь только между честными людьми, а не между пиратами. Впрочем, я вовсе не поступил с тобою изменнически. Речь с самого начала шла о нападении на замок Розольфсе, принадлежащий Биорнам. Этот замок перед нами. Идешь ты на него или нет? Говори. Я жду ответа.

– Прибытие англичан подняло на ноги всех вассалов замка. Разве ты не видишь, что мы будем побиты, если предпримем нападение?

– Не думал я, Ингольф, что ты был до такой степени наивен. Ведь я же тебе сказал, что у меня есть средство удалить англичан, и средство верное. Добыча от нас не ускользнет. Когда все успокоится, когда вассалы уйдут восвояси и снова примутся за свои дела, мы в одну прекрасную ночь нападём на замок, сделаем свое дело – и уйдем в море. Надеюсь, что против этого ты уже ничего не можешь возразить?

Негодяй говорил с такой уверенностью потому, что чувствовал за собою победу. Ингольф сам попался в подставленную ловушку, повторив несколько раз о своем уважении к однажды данному слову. Возражать ему больше было нечего. С другой стороны, он понимал, что продолжительное сопротивление может только повредить тем, кого он решился во что бы то ни стало спасти, употребив для этого какую-нибудь хитрость. Он рассчитывал победить противника ловкостью, как уже ему удалось победить его силой.

Допуская, что Надоду удастся заставить англичан удалиться без боя, Ингольф надеялся, что в следующие несколько дней у него появится какое-нибудь средство помешать осуществлению намерения Надода или по крайней мере спасти герцога Гаральда и его сыновей. Но при этом нужно было действовать крайне осторожно, потому что злодей сам был подозрителен и изворотлив.

Подумав обстоятельно обо всем этом и выдержав в душе сильную борьбу, Ингольф поднял голову и отвечал на поставленный вопрос Надода:

– Мне нечего больше говорить, я дал слово и исполню его до конца.

– В добрый час! – сказал Красноглазый. – Я никогда, впрочем, и не допускал мысли о том, чтобы ты мог серьезно изменить данной клятве.

И, вынув из-за пазухи лист бумаги, он подал его Ингольфу, присовокупив:

– А вот и награда тебе, хотя я предпочел бы, чтобы на твою верность можно было положиться и без этого.

Ингольф взял бумаги и начал читать патент, составленный по всей форме... Дочитав его, он разрыдался... Патент восстанавливал его честь и предоставлял ему те права, которые он честно выслужил себе в пятилетней войне, но в которых ему до сих пор несправедливо отказывали...

– Ты сделал это, Надод? Ты выхлопотал для меня это? – сказал он, в первый раз беря бандита за руку, и даже не за одну, а за обе, и горячо пожимая их. – Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, чтобы заплатить за это...

– Помоги только мне в одном этом деле – и больше мне от тебя ничего не нужно... Теперь ты видишь, что англичанам стоит только сказать одно слово – и они уйдут. Они ищут капитана Вельзевула, но такого здесь нет, а есть капитан шведского королевского флота.

– Таким образом, – сказал обрадованный Ингольф, – мы избежим необходимости жертвовать понапрасну столькими неповинными людьми.

Но вдруг он нахмурился и переменял тон.

– Впрочем, мы, кажется, рано начали радоваться. Ведь старый герцог, может быть, не захочет моего заступничества. Он так ревниво оберегает свою независимость, а ведь здесь не Швеция...

– Ни до чего подобного не дойдет, можешь успокоиться, – возразил Надод. – Разве ты не знаешь англичан? Они нахальны со слабыми, но, как только им показать зубы, они сейчас покажут пятки... Завтра же утром ни одного корабля не останется в фиорде.

Вдруг в обширной степи раздался крик совы. Надод вздрогнул.

– Что это такое? – спросил Ингольф.

– Ничего, – отвечал не без смущения Надод. – Ведь здесь сова часто кричит.

– Странно! – задумчиво промолвил Ингольф.

– Что же тут тебе кажется странным?

– Так, мне представилось...

Опять послышался совиный крик. Надод нахмурился и взглянул на своего товарища, но тот не обратил на него внимания, продолжая о чем-то думать. У Надода появилось подозрение.

– Ингольф, – сказал он, – я не хочу от тебя ничего скрывать. Ты совершенно прав, находя странным крик белой совы в такое время года. Это не сова, это сигнал мне.

– А! – равнодушно произнес капитан.

– Пятнадцать сыщиков, которых ты сам высадил недавно на Нордкапе, наблюдают за Розольфским мысом. Им даны мною разные поручения, и тебе не придется участвовать в самой щекотливой части нашего предприятия. Твое участие ограничится только взятием замка и перенесением сокровищ на корабль; пленников брать будем мы сами. Ты видишь, я позаботился отстранить от тебя наиболее грязное в этом деле... Однако прощай: мне нужно сходить и узнать, что такое они мне сообщат...

Красноглазый поспешно ушел.

Глава XVI. Размышления Ингольфа

– Ну, теперь они погибли! – сказал Ингольф, когда Красноглазый вышел. – Что бы я не предпринял для их спасения, ничего не поможет, если только... Но это даже и к цели не приведет: я их знаю хорошо, успел узнать в короткое время... Если я их предупрежу об опасности, то они, вместо того, чтобы сесть на корабль и уехать на время из замка, созовут своих вассалов и будут до последней крайности защищать замок своих предков. Раз уж они готовы вступить в бой с целой английской эскадрой, то перед горстью бандитов подавно не отступят... Что за ужасная моя судьба! Если я скажу слово – Надод погибнет, а этого я не могу допустить, так как вступил с ним в договор. До сих пор я был лишь вольным корсаром... И что заставило меня согласиться на участие в этой позорной экспедиции? Зачем я это сделал? Я только окончательно опозорил себя!.. Если я промолчу – погибнет древний род, на котором, я это вижу и чувствую, не лежит никакого пятна... Я уверен, что заговор, в котором они будто бы участвуют, – пустая басня... О, если б мне по крайней мере получить уверенность, что они действительно опасны для государства!

Он с волнением прошелся по каюте.

– Но, в сущности, – какое мне дело? Разве я тут судья?.. Я теперь офицер регулярного флота, получивший специальную командировку, и обязан исполнить долг службы. Последствия меня не касаются... Да, но могу ли я вычеркнуть из памяти геройский подвиг, спасший нас всех от гибели в волнах Мальстрема? Могу ли я хладнокровно допустить, чтобы на моих глазах резали этих доблестных людей?.. Нет, я должен их спасти во что бы то ни стало... Но как это сделать, не погубив Надода? Пусть он бесчестный бандит, но разве он не достоин сожаления? Разве сам он не жертва чужой жестокости? – Ингольф, очевидно, верил басне об утонувшем мальчике. – Разве его неосторожность, объясняемая молодостью лет, оправдывала варварский поступок с ним?.. Что мне делать?.. Боже мой, Боже мой, что мне делать?.. Как выйти из этого ужасного положения?

Голова Ингольфа была как в огне, он задыхался. Чтобы подышать свежим воздухом, он подошел к окну каюты и отворил его. Перед ним отчетливо рисовались берега фиорда с их зубчатыми скалами, а вдали выступал безмолвный силуэт замка на фоне звездного неба. Вдоль берега светились красные и белые огни: то вассалы готовились к защите древних розольфских вольностей, созванные Черным герцогом. Но кругом все было тихо, и эта тишина подействовала на Ингольфа успокоительно. Мысли его приняли другое направление. Поглядев несколько минут на этот пейзаж, он опять повторил то восклицание, которое уже слышал от него однажды Надод.

– Странно! – воскликнул он. – Очень странно!

Дело в том, что Ингольф с некоторых пор стал испытывать какое-то необъяснимое ощущение. Вся розольфская местность – фиорд, скалы, корабли в гавани, самый замок, наконец, необозримый ског – казались ему чем-то знакомыми, как будто он уже все это видел когда-то, а между тем он отлично помнил, что никогда здесь раньше не бывал.

Это его бесконечно удивляло.

– Положительно, я помню эту местность, – говорил он сам с собою, – но почему – совершенно не понимаю.

В недоумении он продолжал любоваться пейзажем. Вдруг его внимание привлек огромный столетний дуб, росший метрах в ста от замка. Очевидно, этот дуб долго боролся с суровостью климата, но крепкая натура наконец превозмогла, и он широко разросся, покрыв своей тенью большое пространство.

Увидав дуб, Ингольф вдруг вспомнил одно обстоятельство своей жизни. Он вспомнил, что в раннем детстве играл точно под таким же дубом, подле которого стояла каменная статуя, изображавшая рыцаря с копьем.

Каково же было его удивление, когда, взглядевшись пристальнее, он увидел подле розольфского дуба совершенно такую же статую! Наконец слышанный им крик белой совы тоже напомнил ему одно из ярких впечатлений детства, хотя Надод потом и объяснил ему, что это только подражание...

Где мог слышать Ингольф раньше этот крик? Белая снеговая сова прилетает в Норрланд только зимою, а в это время года Ингольф не бывал в тех краях.

Несмотря на приближение драматической развязки, Ингольф невольно думал обо всех этих обстоятельствах и чем больше думал, тем больше терялся в догадках... Как могло остаться у него такое впечатление от детских лет? Он хорошо помнил, что в детстве ездил со своим отцом только во Францию и Испанию, а в Норвегию не ездил.

Среди этих размышлений Ингольф вдруг услышал голоса, донесшиеся до него с «Сусанны», стоящей недалеко от «Ральфа». Разговаривал с кем-то Черный герцог, только что сделавший смотр всем своим кораблям и захавший на минутку на «Сусанну», с которой он собирался следить за ходом предстоящего сражения.

Гостиная яхты имела небольшой круглый балкон, на который герцог и вышел, так как ночь была необыкновенно теплая и приятная.

Герцог был не один, и вот какие слова услышал от него Ингольф:

– Какая славная ночь, Анкарстрем!.. А все-таки мне хочется, чтобы она прошла скорее, так как меня терзает нетерпение узнать, до каких пределов дойдет наглость англичан.

Разговаривающие не заметили Ингольфа, несмотря на то, что яхта и бриг стояли друг к другу очень близко. Ингольф, не желая подслушать какую-нибудь тайну, уже собирался обозначить чем-нибудь свое присутствие – например, зажечь в своей каюте лампу, как вдруг его поразил ответ Анкарстрема. Услыхав этот странный ответ, Ингольф переменил намерение и облокотился на окно.

Ответ Анкарстрема был такого рода:

– Позвольте мне, герцог, не разделять вашего нетерпения. Я, напротив, с прискорбием отношусь к тому, что теперь здесь происходит, и отдал бы десять лет жизни за то, чтобы помешать столкновению. В то время, когда сейм собирается пригласить вашего сына Эдмунда на престол Швеции, я не могу смотреть с легким сердцем на то, как он рискует своей драгоценной жизнью.

– Если Эдмунд не сумеет защитить герцогство своего отца, каким же охранителем будет он для своего королевства? – возразил герцог.

– А что, если он падет в битве?.. Подумайте, ведь дни Густава III сочтены, а заговорщики только и рассчитывают...

Конец фразы был произнесен так тихо, что Ингольф его не расслышал.

Но вот Анкарстрем опять повысил голос:

– К счастью, у меня есть надежда, что со стороны англичан все это одна фанфаронада и что они удалятся, получив ваш энергичный протест.

– Мне тоже хочется этого, – сказал герцог, – но если они не уйдут, я решился защищаться до последней крайности.

Слова эти были произнесены с энергией, обличавшей в герцоге непреклонный характер. Ингольф узнал достаточно. От окна он отошел уже несколько успокоенный.

Ему, пирату, сделавшемуся офицером королевского флота, хотелось получить доказательство, что Биорны действительно участвуют в заговоре. Доказательство это он получил, услышав его из уст самого герцога. Тем не менее положение все-таки было презатруднительное.

Он понимал, что теперь, как офицер королевского флота, он должен действовать против герцога, если только не намерен прямо отказаться от чина и предоставить все Надоду...

Но мог ли он спасти обитателей Розольфсе, даже если б желал? У него у самого был отец, который тосковал о нем, хотя в его приключении не было ничего позорного.

Ингольфа, когда он был еще мичманом, тяжело оскорбил один армейский штаб-офицер; молодой мичман кинул оскорбителю в лицо перчатку, вызывая оскорбителя на дуэль... За этот проступок Ингольфа исключили из службы. Во время войны он получил крейсерский корабль и своими подвигами прославился на всю Европу, но после заключения мира с ним опять обошлись несправедливо, не дав ему обещанного чина. И вот Ингольф поднял знамя бунта, – но тогда был такой уж дух – это было в нравах тогдашней эпохи и не считалось позорным. Вчерашний корсар сплошь и рядом превращался в адмирала или полковника, и Конде с Тюреннем безнаказанно могли переходить с одной стороны на другую, смотря по тому, куда склонялся их личный интерес. За это с них не взыскивали и не подвергали бесчестью. Теперь времена, конечно, изменились. В настоящее время корсар не может сделаться адмиралом, но зато и адмирал, как прежде, не запишется с легким сердцем в грабители морей. Сознание долга по отношению к родине развилось, сделалось отчетливее, и в настоящее время Ингольфам нет места ни на земле, ни на море.

Ингольф, сделавшись корсаром, не опозорил себя по понятиям того времени; но если б он, назначенный офицером королевского флота, перешел на сторону заговорщиков, против которых был послан действовать, это было бы уже изменой, и на прощение нечего было бы рассчитывать. Мог ли после этого Ингольф поступить подобным образом? Имел ли он право до такой степени огорчить своего старика отца, который со своей стороны беспрестанно хлопотал о том, чтобы его сыну вернули эполеты?.. Нет, благодарность имеет свои границы, а честь положительно требует теперь, чтобы он строго выполнил свой долг. Не может же он жертвовать собой и своим отцом ради людей, затеявших заговор против отечества и против короля, который, хотя и поздно, все же загладил свою первоначальную несправедливость и наградил Ингольфа за прежнюю службу. Да, он, Ингольф исполнит свой долг, хотя в то же время и делает все возможное для того, чтобы спасти Гаральда и его сыновей. Он не отдаст их в руки Красноглазому, он отвезет их в Стокгольм в качестве пленников, а там уж их сторонники позаботятся доставить им способ убежать.

Остановившись на таком решении, Ингольф прилег на диван отдохнуть, так как уже более суток был на ногах. Диван был турецкий, очень покойный, и шел по стенам вокруг всей каюты. Как только Ингольф прилег, так сейчас же и заснул крепким сном.

По прошествии часа Ингольфа вдруг разбудил страшный шум, крики, ругань. Вскочив с дивана, он расслышал чей-то громкий голос, гудевший как труба и покрывавший собою весь прочий гул. Голос кричал по-английски:

– Первого, кто сунется, рубить прямо по голове!

Глава XVII. Ингольф в плену у англичан

Ингольф бросился вон из каюты – и обомлел, увидав ужасное зрелище.

Человек пятьсот англичан, войдя в шлюпках в фиорд, окружили бриг «Ральф» и ворвались на его палубу, прежде, чем вахтенный успел это заметить и дать знать начальству.

На каждого матроса брига пришлось по пяти англичан.

Нападение совершено было так неожиданно и так искусно, что не пролилось ни капли крови. Альтенс был бледен как смерть и до крови кусал себе губы.

Палуба была освещена как днем. Рядом с английским офицером, руководившим атакой, стояли Черный герцог и его сыновья.

Ингольф с первого взгляда понял все или, во всяком случае, по-своему объяснил себе происходящее. Он подумал, что ему изменили те самые люди, ради которых он только что собирался жертвовать собою, и вся кровь бросилась ему в голову... Скрестив на груди руки, он остановился в гордой позе у дверей каюты и кинул презрительный взгляд на розольфцев. Случись все это вчера, он схватился бы за оружие и дорого продал бы свою жизнь; но теперь у него был в кармане патент на чин капитана 1-го ранга, делавший его неприкосновенным. Поэтому он мог спокойно ждать, что будет дальше.

– Вы должны сдаться! – сказал ему английский офицер, делая знак четырем матросам, чтобы они приблизились к Ингольфу и взяли его.

– Извольте! – остановил офицера старый Гаральд. – Ведь вам известно, что ваш начальник мне обещал.

Офицер велел матросам остановиться. Гаральд выступил вперед и сказал Ингольфу:

– Капитан! Я буду называть вас так, пока мне не будет доказано, что вы на это не имеете права. – В ответ на мой ультиматум английский адмирал Коллингвуд лично явился ко мне и представил ряд документов, доказавших, во-первых, что вы некто иной, как знаменитый пират по прозвищу «капитан Вельзевул»; во-вторых, что вы вступили в разбойническое товарищество, именуемое себя «Обществом Морских Грабителей» и поставившее себе целью разрушение и ограбление замка Розольфсе и, наконец, в-третьих, что недостойный Гинго, министр Густава III, заранее заплатил вам за мою смерть, а также за смерть сыновей моих патентом на чин капитана 1-го ранга. Ввиду таких серьезных фактов я разрешил капитану арестовать временно ваш корабль, но с тем, чтобы на вашей голове не был тронут ни один волос, покуда вы не ответите мне на мои вопросы. Я жду. Кто бы вы ни были, я вижу, что вы вполне джентльмен, и с меня довольно будет вашего слова. Если адмирал Коллингвуд сказал правду, то вы не поставите мне, надеюсь, в вину, что я предоставил свободу действия тем, которые явились на защиту моего дома, моей семьи. Если же адмирал ошибается, то опять-таки повторяю, одного вашего слова будет для меня довольно, и вы получите свободу вместе с вашими матросами, а господа англичане удалятся, произведя на прощание салют в качестве извинения... Таково, капитан, условие, заключенное между мной и адмиралом. От вас зависит, который из пунктов этого условия будет исполнен.

Старый Гаральд произнес эту речь с замечательным благородством, так что Ингольф невольно почувствовал восторг.

– Я тоже, в свою очередь, поставлю один вопрос, – отвечал он, – и по получении на него ответа немедленно отвечу сам. Впрочем, нет; я ответа ожидать не буду, я только поставлю вопрос и затем отвечать буду за себя. Правда ли, что Гаральд Биорн, герцог Норрландский, вступил в заговор, имеющий целью убийство Густава III, короля Швеции, и замещение его на троне Эдмундом, старшим сыном упомянутого герцога?.. Я не умею, не способен лгать. Да, я действительно «капитан Вельзевул», но даю честное слово, что никогда не намеревался грабить и разрушать замок Розольфсе и убивать герцога Норрландского и его сыновей. Даю

честное слово, что я лишь недавно узнал о производстве меня в капитаны шведского флота, получив вместе с тем приказ арестовать вас троих за государственную измену, доказательство которой я, между прочим, вижу в том, что в данную минуту в Розольфском замке находится один из самых деятельных главарей заговора, нити которого протянуты между Стокгольмом и Розольфсе.

– Довольно, милостивый государь! – возразил, нахмурясь, Черный герцог. – Итак, вы с легким сердцем готовились арестовать двух молодых людей, которые за несколько часов перед тем вас спасли, кинувшись в пучину Мальстрема!.. Вы забыли долг благодарности, забыли также, что герцогство Норрландское – независимая страна, что мой род дал уже Швеции двух королей и что я никому не обязан отчетом в своих действиях. В государственной измене можно обвинять лишь подданного, я же в подданстве у шведского короля не состоял и не состою.

– Прекрасно, – с живостью возразил капитан, – но шведский король, во всяком случае, имеет право защищаться от своих врагов.

– Не оспариваю у него этого права, которое и мне принадлежит в такой же мере, – сказал герцог. – Шведский король поручает свою защиту капитану Вельзевулу, а я поручаю свою адмиралу Коллингвуду. Вы – пленник адмирала, а так как прежде всего вы пират, переменявший кожу лишь по случаю...

– Если только его патент не поддельный, – заметил английский офицер.

– Одним словом, – закончил Черный герцог жестким, повелительным тоном, – вы ответите за свои поступки перед военным судом.

Четыре матроса подошли к Ингольфу и взяли его за воротник. Пират хотел было оттолкнуть их всех и швырнуть в фиорд, но сообразил, что этот грубый поступок не принес бы ему никакой пользы, и спокойно дал себя арестовать, не сказав ни слова.

В эту минуту глаза его встретились с глазами Эдмунда и Олафа, и в их взглядах он прочел самое недвусмысленное сочувствие к себе. Проходя мимо молодых людей, он сказал им:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.